

В. В. КУЧМА

ВИЗАНТИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ ТРАКТАТЫ VI—X ВВ. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

1. ОЧЕРК ВИЗАНТИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ VI—X ВВ.

«Византийский Аноним VI в.»

Военный трактат, названный его первыми издателями «Византийским Анонимом»¹, открывает ряд памятников, которые уже можно именовать собственно византийскими². Утрата начального листа в списке этого сочинения не позволяет установить его точного наименования. Напи сведения о личности автора ограничиваются теми краткими и разрозненными замечаниями, которые встречаются в самом тексте сочинения. Не подлежит, однако, сомнению факт достаточной образованности автора, его знакомства с произведениями античных писателей (Геродот, Ксенофонт³, Пифагор⁴), с событиями военной истории (битва при Марафоне⁵ и другие сражения греко-персидских войн, походы Александра Македонского⁶ и Ганнибала⁷), с военно-теоретической мыслью «древних»⁸. Одновременно он обладает и специальными познаниями в области инженерного искусства, проявляя особую компетентность в строительстве мостов и других сооружений⁹. Он предметно знаком с методами осады и обороны городов, сообщая на этот счет такие детальные подробности, которые близки или совпадают с сообщениями других (в том числе иноязычных) авторов, описывавших события VI в.¹⁰

Датировка трактата не вызвала споров в ученой литературе. Среди врагов империи автором названы арабы¹¹ и персы¹²; имеется намек на восстание Ника¹³; упомянут триумф Велизария¹⁴; Юстиниан I именуется «нашим императором»¹⁵. Показательно исключительно большое

¹ Der Byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft.— In: Köchly H. und Rüstow W. Griechische Kriegsschriftsteller, 2. Theil: Die Tactiker, 2. Abteilung. Leipzig, 1855.

² Систематизация памятников военной литературы осуществлена А. Дэном; см.: Dain A. Les Stratégistes byzantins. — ТМ, 2, 1967. В настоящей работе предметом анализа станут лишь те военные трактаты, которые заняли особо важное место в истории военной науки, явились этапными в ее развитии, оказали наибольшее влияние на последующую традицию.

³ Der Byzantiner Anonymus, XIX, 19, S. 116; XIX, 21, S. 118; XXXIX, 12, S. 182.

⁴ Ibid., III, 10, S. 52.

⁵ Ibid., XXIII, 4, S. 162.

⁶ Ibid., XIX, 18, S. 116.

⁷ Ibid., XVIII, 12, S. 110.

⁸ Ibid., VIII, 6, S. 64; XIII, 17, S. 82; XX, 1, S. 120; XXIII, 1, S. 126; XXIV, 4, S. 130; XXX, 4, S. 148; XXXV, 1, S. 166; под «древними» подразумеваются, в частности, Онесандр, Вегеций, Арриан, Цезарь, Полиен, Полибий, Элиан и др.

⁹ Н. В. Пигулевская (Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.—Л., 1946, с. 20) предполагает возможность участия автора в дунайских походах в качестве военного инженера.

¹⁰ См.: Пигулевская Н. В. Оборона городов в Месопотамии в VI в. — УЗ ЛГУ, вып. 12, 1941, с. 49, 77.

¹¹ Der Byzantiner Anonymus, XL, 1, S. 182.

¹² Ibid., XLI, 4, S. 188.

¹³ Ibid., II, 2, S. 44.

¹⁴ Ibid., III, 15, S. 54; XXXIII, 8, p. 164.

¹⁵ Ibid., V, 4, S. 58.

внимание, уделяемое в трактате возведению новых городов, крепостей и пограничных укреплений¹⁶, — сюжет, который вводит нас в атмосферу грандиозного строительства, осуществлявшегося юстиниановским правительством. Все это заставляет большинство авторов датировать трактат серединой или второй половиной VI в., скорее всего, периодом царствования Юстиниана¹⁷.

Автор трактата предстает перед нами как типичный представитель военно-технической интеллигенции своего времени. Четкая композиция трактата, строгий, местами несколько манерный стиль изложения позволяют считать этого писателя хорошим «кабинетным стратигом»¹⁸, без того уничижительного оттенка, который вкладывал в это понятие Р. Вари¹⁹. Своим предметом наш автор владеет свободно: рассуждения общетеоретического характера перемежаются в его сочинении с конкретными рекомендациями.

Говоря о языке сочинения, первые исследователи обнаружили целый ряд византизмов, не встречавшихся в классическом греческом языке. В целом же язык автора чист и правилен и заслуживает в этом отношении всяческой похвалы²⁰.

Не исключено, что при написании своего трактата наш автор располагал и какими-либо письменными источниками. Однако прямые заимствования установить трудно: глубокая авторская переработка исходного материала фактически сводит такую возможность на нет; замечание Н. В. Пигулевской, что автор «не подчиняется своим источникам, а владеет ими»²¹, представляется нам совершенно справедливым. Перечисленные достоинства трактата позволили оценить его как «выдающееся по самостоятельности и самобытности сочинение»²².

«Стратегикон Псевдо-Маврикия»

Названный трактат является, пожалуй, самым известным памятником византийской военной литературы²³. Изданный впервые в 1664 г.²⁴ он сразу же привлек внимание как богатством и разнообразием содержания, так и спорностью проблем, связанных с его авторством и датировкой.

¹⁶ Der Byzantiner Anonymus, X—XIII, S. 68—88.

¹⁷ Köchly H. und Rüstow W. Op. cit., S. 37; Dain A. La «Tactique» de Nicéphore Ouranos. Paris, 1937, p. 56; *idem*. Les Stratégistes, p. 343. Пигулевская Н. В. Византия и Иран, с. 21; она же. Оборона городов, с. 49—50. Р. Вари [Zur Überlieferung mittelgriechischer Taktiker. — BZ, 15, 1906 (далее — Vari R. Zur Überlieferung), S. 70] сдвигал датировку к более позднему времени: он считал автора трактата современником Маврикия.

¹⁸ Dain A. Les Stratégistes, p. 343.

¹⁹ Vari R. Zur Überlieferung, S. 70.

²⁰ Der Byzantiner Anonymus, S. 39.

²¹ Пигулевская Н. В. Византия и Иран, с. 22.

²² Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 635.

²³ Сведения об изданиях и переводах трактата суммированы Д. Моравчиком (*Moravcsik Gy. Byzantinoturcica*, Bd. I. Berlin, 1958, S. 417—420) и А. Дэнном (*Les Stratégistes*, p. 344 sq.); здесь же — перечень основной литературы. Недавно «Стратегикон» был критически издан Х. Михаэску; см.: *Mauricius. Acta militaria. Ediție critică, traducere și introducere de H. Mihăescu (Scriptores byzantini, VI)*. București, 1970; далее все ссылки даны по этому изданию. Большой интерес здесь представляет введение издателя (p. 5—21), ранее опубликованное во французском переводе; см.: *Mihăescu H. Prolégomènes à une édition critique des TACTICA — STRATEGICA de Maurice-Urbicius*. — RESEE, V, 1967, p. 401—407. Из новейшей литературы см. также: Dain A. Urbicius ou Mauricius? — REB, 26, 1968, p. 123—136; Zástěrová B. Les Avars et les Slaves dans la Tactique de Maurice. Praha, 1971; Удальцова С. В. Еще раз о Стратегиконе Псевдо-Маврикия. — СВ, 32, 1969, с. 61—76; она же. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М., 1974 (где «Стратегикону» посвящена специальная глава VIII, с. 295—318).

²⁴ *Arriani Tactica et Mauricii artis militaris libri duodecim*, ed. J. Scheffer. Uppsaliae, 1664.

Поскольку рукописная традиция донесла до наших дней сразу два имени автора трактата (Урбикия и Маврикия)²⁵, мнения ученых разделились. Наиболее энергично авторство Урбикия защищал Р. Вари²⁶; благодаря его авторитету это мнение стало господствующим в венгерской историографии. С ним был солидарен и Р. Гроссе²⁷. С именем Маврикия трактат связывали И. Шеффер, Г. Кёхли, Ф. Гаазе, Р. Фёрстер, Ф. Оссарес, Ю. А. Кулаковский и др. А. Дэн колебался в этом вопросе; в последних работах он склонился в пользу Маврикия²⁸. Высказывались и компромиссные точки зрения. Еще в 1880 г. К. Мюллер²⁹ предложил комплексную формулу «Урбикий — Маврикий» для обозначения автора «Стратегикона». Ряд соображений по устранению противоречий высказал Г. Циллиакус³⁰.

Имели место и попытки приписать авторство «Стратегикона» другим лицам. В 1893—1894 гг. были опубликованы две статьи К. Э. Цахарие фон Лингенталля, посвященные памятникам византийской военной литературы³¹. Эти статьи содержали ряд весьма спорных, а зачастую определенно ошибочных положений, встретивших резкую критику в ученой литературе. Касаясь проблематики «Стратегикона», К. Э. Цахарие фон Лингенталь предложил авторство Руфа³². Это мнение не встретило скольнибудь значительной поддержки; с ним солидаризировался лишь К. Крumbaхер, да и то со значительными оговорками³³. Критических же откликов было гораздо больше³⁴.

В середине 30-х годов XX в. венгерский ученый Е. Дарко выдвинул предположение о принадлежности «Стратегикона» императору Ираклию³⁵, указав³⁶, что аналогичные идеи были высказаны задолго до него³⁷. Мнение Е. Дарко было поддержано Л. Брейе³⁸.

Поскольку вопрос об авторстве сочинения оказался столь спорным, в современной историографии оно обычно именуется «Стратегиконом Псевдо-Маврикия».

В связи с проблемой авторства трактата оживленно дебатировался и вопрос о том, является ли упомянутый в рукописях Маврикий византий-

²⁵ В 1638 г., когда изучение трактата еще находилось в начальной стадии, знаменитый Салмазий (Claude de Saumaise), изучивший флорентийскую рукопись, где автором назван Урбикий, и рукопись Ватиканской библиотеки, в которой упомянуто имя Маврикия, увидел в них два различных произведения, принадлежавших двум различным авторам; см. об этом: *Dain A.* Urbicius ou Mauricius, p. 123.

²⁶ *Vari R.* Zur Überlieferung, passim.

²⁷ *Grosse R.* Das römische-byzantinische Marschlager vom IV. — X. Jahrhundert. — BZ, 22, 1913.

²⁸ *Dain A.* Urbicius ou Mauricius, passim.

²⁹ *Müller K. K.* Ein griechisches Fragment über Kriegswesen. — Festschrift für Ludwig Ulrichs. Würzburg, 1880, S. 106—138.

³⁰ *Zilliacus H.* Zum Kampf der Weltsprachen in Oströmischen Reich. Helsinki, 1935, S. 119—120.

³¹ *Zachariae von Lingenthal K. E.* Wissenschaft und Recht für das Heer vom 6. bis zum Anfang des 10. Jahrhunderts. — BZ, 3, 1894; *idem.* Zum Militärgesetz des Leo. — BZ, 2, 1893.

³² *Zachariae von Lingenthal K. E.* Wissenschaft und Recht, S. 456.

³³ *Krumbacher K.* Op. cit., S. 635.

³⁴ *Aussarres F.* L'auteur du Stratégicon. — REA, VIII, 1906, p. 23—39; *idem.* L'armée byzantine à la fin du VIe siècle d'après le Stratégicon de l'empereur Maurice. Bordeaux, 1909; *Patrino C. M.* Contro la paternità imperiale dell' Ο'υρβικίου τακτικά — στρατηγικά. Terano, 1906.

³⁵ *Darke E.* Die militärischen Reformen des Kaisers Heracleios. — Bulletin de l'Institut Archéologique Bulgare, IX, 1935; *idem.* Influences touraniennes sur l'évolution de l'art militaire des Grecs, des Romains et des Byzantins. — Byz., X, 1935; XII, 1937; *idem.* Le rôle des peuples nomades cavaliers dans la transformation de l'Empire Romain aux premiers siècles du Moyen Age. — Byz., XVIII, 1948.

³⁶ *Darke E.* Die militärischen Reformen, S. 112.

³⁷ *Bury J. A.* A History of the Later Roman Empire, II. London, 1889, p. 225; *Pernice A.* L'imperatore Eraclio. Firenze, 1905, p. 103; *Stein E.* Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches. Stuttgart, 1919, S. 123—125.

³⁸ *Bréhier L.* Les institutions de l'Empire Byzantin, III. Paris, 1949, p. 342.

ским императором, правившим в 582—602 гг., или речь идет просто о его омониме. Наиболее последовательного сторонника первая точка зрения нашла в лице Ф. Оссареса; это мнение имеет поддержку и в более поздних работах, вплоть до наших дней³⁹. Однако большинство исследователей не склонно решать вопрос столь однозначно, поскольку, как это было отмечено еще Ю. Кулаковским⁴⁰, в самом трактате нет прямых указаний на принадлежность автора к императорской фамилии; с другой стороны, из источников неизвестны факты о писательской деятельности императора Маврикия.

С решением проблемы авторства трактата неразрывно связан вопрос о его датировке. Начиная с Р. Фёрстера все исследователи делали попытки датировать трактат, опираясь не только на формальные основания, но и исходя из внутренней критики источника. Как правило, большинство предложенных датировок не выходит за рамки одного полувека⁴¹.

При всей спорности проблем, связанных с авторством и датировкой трактата, бесспорным и общепризнанным является то обстоятельство, что мы имеем здесь дело с профессиональным военным, имеющим как определенную теоретическую подготовку⁴², так и значительный практический опыт, накопленный в военных кампаниях против целого ряда враждебных империи народов. К тому же в отличие от «Византийского Анонима VI в.» автор «Стратегикона» занимал, очевидно, гораздо более значительное место в военной иерархии, вплоть до самых высоких чинов. Поэтому исповедуемые им идеи являлись наиболее полным, адекватным отражением господствовавших в его эпоху военно-теоретических концепций.

Анализируемый трактат составил целую эпоху в военной науке. Строгий учет требований места, времени и «природы вещей», высокий профессионализм в решении специальных вопросов⁴³, сугубо практический характер рекомендаций, эрудиция автора, простота и доступность изло-

³⁹ См. об этом: *Удальцова Э. В.* Идеино-политическая борьба, с. 298—299.

⁴⁰ *Кулаковский Ю.* Рец. на русское издание «Стратегикона». — ЖМНП, ч. 350, 1903, декабрь, с. 530.

⁴¹ Дж. Бьюри (op. cit., p. 75—78) датировал трактат 565—615 гг.; Ф. Оссарес (*L'armée*, p. 5, 34) — 580—584 гг.; Г. Цанкова-Петкова (*Материалната култура и военното изкуство на дакийските славяни според сведенията на «Псевдо-Маврикий»*. — *Известия на института за българска история*, 7, 1957, с. 333) — между 592 и 602 гг.; Р. Фёрстер (*Studien zu den griechischen Taktikern*. — *Hermes*, 12, 1877, S. 457—458) и К. Э. Цахариз фон Лингенталь (*Wissenschaft und Recht*, S. 441) — временем царствования Маврикия; Х. Михаэску (*Prolégomènes*, p. 419) — тремя первыми десятилетиями VII в.; Э. Штайн (op. cit., S. 123) — первой третью VII в.; Н. В. Пигулевская (*Византия и Иран*, с. 28—30) — периодом между 620 и 630 гг.; Е. Дарко (*Die militärischen Reformen*, S. 112) — между 619 и 630 гг.; Д. Моравчик (op. cit., I, S. 417 sq.) — началом VII в.; Г. Острогорский (*Geschichte des byzantinischen Staates*. München, 1963, S. 21) — началом VII в.; Э. В. Удальцова (*Идеино-политическая борьба*, с. 300) — концом VI и началом VII в.; Б. Застерова (op. cit., p. 5) — последним десятилетием VI и началом VII в.; наиболее позднюю датировку предлагал Р. Вари (*Desiderata der byzantinischen Philologie auf dem Gebiete der mittelgriechischen kriegswissenschaftlichen Literatur*. — *BNJb*, 8, 1931, S. 228) — VIII в. («время Лигутпранда»).

⁴² Автор проявляет знакомство с военно-теоретическими трудами своих предшественников: Асклепидота, Элиана, Арриана, Онесандра и Вегеция (см.: *Moravcsik Gy.* Op. cit., I, S. 418), хотя и не называет их по именам; к числу этих писателей Р. Вари добавляет Руфа, автора «*Leges militares*» (*Zur Überlieferung*, S. 87). Не исключено, что наш автор знал и охарактеризованное выше сочинение юстиниановской эпохи, — по крайней мере, можно констатировать совпадение некоторых идей. Точка зрения, приведенная в исследовании Р. Вари (*Zur Überlieferung*, S. 70), о том, что эти трактаты не имеют между собой точек соприкосновения, представляется ошибочной.

⁴³ Лучшим исследованием «Стратегикона» с военной точки зрения остается сочинение Ф. Оссареса *L'armée byzantine*. Резкая оценка этой работы, содержавшаяся в рецензии П. В. Безобразова (*ВВ*, 18, 1911, с. 41—42), должна быть признана гиперкритичной. Материалы книги Ф. Оссареса, его схемы и таблицы широко использованы в обобщающем труде: *Lot F.* *L'art militaire et les armées au Moyen Age en Europe et dans le Proche Orient*, vol. I, Paris, 1946.

жения материала ⁴⁴ — все это объясняет причины удивительной долговечности «Стратегикона», не имеющей аналогии во всей византийской военной традиции.

Период между царствованиями Маврикия и Льва VI А. Дэн считал «малоблагоприятным для расцвета военной литературы» ⁴⁵. Лишь на рубеже IX и X вв. «после длительной стагнации возрождается активность» ⁴⁶. Военная литература также испытала на себе тот общий подъем, который переживала византийская культура и образованность начиная со второй половины IX в. ⁴⁷ В царствование Льва VI, Константина Багрянородного, Никифора Фоки возникают крупные военные сочинения; рассматривая их в качестве надежных точек опоры, можно локализовать и более мелкие, второстепенные сочинения, имеющие преимущественно характер извлечений.

«Тактика Льва»

Первым из авторов, продолжившим традицию военных писателей, явился император Лев VI Мудрый — типичный образец византийского эрудита X в., пробовавший свое перо практически во всех областях знаний, но оставивший особый след в истории права, а также военной науки, где основным его сочинением является знаменитая «Тактика Льва» ⁴⁸.

Мнение исследователей о принадлежности названной «Тактики» Льву VI Д. Моравчик с полным основанием называет «сегодня твердо установленным» ⁴⁹. Попытка К. Э. Цахариэ фон Лингенталля пересмотреть эту традиционную атрибуцию в пользу Льва III Исавра ⁵⁰ встретила резкие возражения ⁵¹.

Решение вопроса об авторстве трактата предопределяет его датировку. Поскольку автор именует себя императором ⁵², 886 г. есть *terminus post quem* возникновения сочинения. Верхняя дата, естественно, определяется 912 г. — годом смерти Льва VI. Более точную дату определить было бы

⁴⁴ В литературе нет недостатка в весьма скептических оценках нашего автора как писателя — его порицают за структурные недочеты сочинения, неумелую компоновку материала, невысокий теоретический уровень сочинения, грубость стиля, бедность лексики и т. д. Но являются ли эти недостатки сочинения адекватным отражением культурного уровня нашего автора? Мы полагаем, что вероятность отрицательного ответа по крайней мере равна вероятности положительного. Не исключено, что автор вполне обдуманно идет на упрощение, огрубление, примитивизм, т. е. сознательно опускается до уровня средней массы неопытных в военном деле людей, волею судеб оказавшихся тогда в роли «защитников отечества» (см. об этом ниже). Автору не до теоретических обобщений, не до новшеств, не до красот стиля — ему бы растолковать неискушенному современнику самые начала военной науки, дать практические рекомендации и инструкции для поддержания армии в состоянии хотя бы минимально необходимой боеготовности. Следует признать, что расчет автора оправдался, трактат оказался целиком соответствующим эпохе с точки зрения общего уровня, содержания и формы. Во всяком случае, на протяжении трех последующих столетий не сохранилось других сочинений, равных «Стратегикону» по универсальности и богатству содержания.

⁴⁵ Dain A. Les Stratégistes, p. 347.

⁴⁶ Ibid., p. 353.

⁴⁷ См. об этом: История Византии, т. 2. М., 1967, с. 354.

⁴⁸ Наиболее распространенное издание: *Leonis Imperatoris Tactica*. — PG, 107, 1863 (далее — TL). Критическое издание Р. Вари (*Sylloge Tacticorum Graecorum*, t. I; t. II, fasc. 1. Budapestini, 1917—1922) осталось незавершенным. Сведения о других изданиях и переводах. см.: *Moravcsik Gy. Op. cit.*, I, S. 404—406; *Dain A. Les Stratégistes*, p. 354 sq. См. также наши статьи: «Тактика Льва» в исторической литературе. — ВВ, 30, 1969; «Тактика Льва» как исторический источник. — ВВ, 33, 1972.

⁴⁹ *Moravcsik Gy. Op. cit.*, I, S. 404.

⁵⁰ См. выше, прим. 31.

⁵¹ *Кулаковский Ю.* Лев Мудрый или Лев Исавр был автором «Тактики»? — ВВ, V, 1898, с. 398—403; *Mitard M.* Etudes sur le règne de Léon VI. — ВЗ, 12, 1903, p. 585—592.

⁵² TL, XIV, 116, col. 885 A—B; XV, 41, col. 897 A—B; XVIII, 42, col. 956 D.

весьма заманчиво⁵³, но материал трактата такой возможности не предоставляет. Впрочем, и установленный хронологический промежуток является достаточно узким для памятников такого рода: военный трактат, подобный «Тактике», отражал целую эпоху, целый этап в развитии военной науки, поэтому колебания в одно-два десятилетия не могут повлечь кардинальные изменения в нашей оценке как самой эпохи, так и сочинения, в котором эта эпоха отразилась. Явившись составным звеном византийской военной традиции, «Тактика Льва» вобрала в себя достижения военно-теоретической мысли предшествующих эпох и оказала существенное воздействие на последующее творчество в данной области.

Некоторых из своих предшественников Лев прямо называет по именам (Элиана, Арриана, Онесандра)⁵⁴, других оказывается возможным идентифицировать⁵⁵. Довольно часто Лев ссылается на «древних тактиков», «древних стратигов» или просто «древних»⁵⁶.

Более пристального внимания заслуживают ссылки на некоторые источники и лица, которых Лев именуется «новыми»⁵⁷. Как полагал Р. Вари⁵⁸, Лев имел при этом в виду данные «Стратегикона», потому что во всех случаях, когда он излагает материал, почерпнутый из сочинений «новых» авторов, он передает сведения, идентичные сообщениям автора «Стратегикона». Что же касается странной, на первый взгляд, терминологии, то она объясняется тем, что Лев рассматривал «Стратегикон» как единый сводный труд, не связанный с каким-либо конкретным автором. Именно этим, по мнению Р. Вари, объясняется то казавшееся загадочным обстоятельство, что Лев, называя по именам свои заведомо второстепенные источники, ни разу не называет главного⁵⁹.

Приступая к работе над «Тактикой», Лев располагал, с одной стороны, основным письменным источником, не утратившим своего практического значения, целым рядом других, более старых руководств, а с другой стороны — материалами современной ему боевой практики, обобщенной в донесениях полководцев типа Никифора Фоки Старшего, имя которого прямо названо в трактате⁶⁰. Итак, кабинетный ученый, образец эрудита своего времени, поставленный перед дилеммой: письменный источник или живая современность — такова суть рассматриваемой нами ситуации.

Внимательное сравнение «Стратегикона» и «Тактики» приводит к выводу, что Лев отказывается от обеих крайностей и избирает третий, промежуточный путь, оказывающийся наиболее плодотворным и заключающийся в приспособлении сведений письменного источника к потребностям времени. При этом словесная, стилистическая оболочка сохраняется Львом в максимально возможной неприкосновенности, но он вводит в свое

⁵³ Такие попытки делались неоднократно. Наиболее ранняя датировка была предложена Ю. Кулаковским (Лев Мудрый или Лев Исавр. . . с. 400—401) — 890—891 гг. Около 900 г. датирует трактат Г. Райхенкрон; в качестве критерия им избран филологический анализ языка военных команд (*Reichenkron G. Zur römischen Kommandosprache bei byzantinischen Schriftstellern.* — *BZ*, 54, 1961, S. 18sq.). Венгерские исследователи (все без исключения) относят время создания «Тактики» к периоду после 904 г.; см.: *Moravcsik Gy.* Op. cit., I, S. 404 sq.). Р. Вари (*Desiderata*. . . , S. 226) сужает хронологические рамки до 904—908 гг. А. Дэн (*Les Stratégistes*, p. 355) воздерживался от точной датировки, подчеркивая, что Лев писал свое сочинение не в один прием, так что его работа над «Тактикой» могла растянуться на длительное время.

⁵⁴ TL, VI, 30, col. 729 D; VII, 86, col. 760 D; XIV, 112, col. 884 B.

⁵⁵ *Vari R.* Die «Praecepta Nicephori». — *BZ*, 30, 192) — 1930, S. 52 (речь идет о Полиене).

⁵⁶ TL, VII, 28, col. 740 D; XIV, 94, col. 877 D; XVIII, 1, col. 945 A и т. д.

⁵⁷ *Ibid.*, IV, 55, col. 712 A; VII, 52, col. 749 A; XII, 74, col. 828 C; XV, 1, col. 885 C etc.

⁵⁸ *Vari R.* Zur Überlieferung, S. 82—83.

⁵⁹ Подобная обезличенность и свойственная вообще писательской манере византийцев, находила свое воплощение и в военных сочинениях — в данном случае она была рассчитана на то, чтобы придать содержащимся здесь рекомендациям всеобъемлющий, универсальный, а потому и сугубо обязывающий, императивный характер.

⁶⁰ TL, XI, 25, col. 800 A; XV, 38, col. 896 D; XVII, 83, col. 933 C.

сочинение множество новых данных, мыслей и идей, отсутствующих у его предшественника.

Прежде всего, Лев досконально изучил «Стратегикон» («*Problemata*»⁶¹ — свидетельство этой работы) и знал его содержание в совершенстве. План «Тактики» Лев разработал заранее, избежав при этом структурных недочетов своего источника. Кроме того, не удовлетворившись узко прикладным характером сведений «Стратегикона», Лев стремится придать своему сочинению более общий характер. Он начинает с изложения некоторых общеметодологических принципов и понятий, а в дальнейшем, перейдя к описанию конкретных элементов военной науки, не лишает себя возможности теоретических обобщений.

Итак, взяв за основу сведения «Стратегикона», Лев переосмыслил и переработал их в четырех основных аспектах. Во-первых, он изменил план «Стратегикона», порядок изложения материала, придав своему сочинению более четкую структуру. Во-вторых, он опустил ряд устаревших положений и исторических сравнений, которые уже ничего не говорили современному читателю. В-третьих, он подверг текст «Стратегикона» стилистической правке, ставя целью либо избежать неуклюжих и высокопарных выражений предшественника, либо уточнить и конкретизировать его терминологию. В-четвертых, и это самое главное, Лев ввел много нового материала, характеризующего современную ему действительность. В результате он создал сочинение, почти в два раза превышающее объем «Стратегикона». При этом буквальное заимствование составило меньшую часть трактата — основная масса сведений предшественника была так или иначе переработана. Вследствие этого «Тактика Льва» адекватно отразила современную ему действительность; она содержит в достаточной степени достоверные сведения, подтверждаемые сообщениями других источников⁶². О практической значимости этого трактата свидетельствуют факты его распространения в громадном количестве рукописей (около ста)⁶³, а также возникновение нескольких десятков извлечений из него, появлявшихся в течение следующих столетий⁶⁴.

«Неизданная Тактика Льва» («*Sylloge Tacticorum*»)

Вместе с «Тактикой Льва» обычно упоминается другое военное руководство, которое начиная с Ф. Гааза получило в ученой литературе наименование «Неизданной Тактики Льва»⁶⁵. В 1927 г. Р. Вари предпринял

⁶¹ Так именуется самое раннее сочинение Льва в интересующей нас области, возникшее, вероятно, еще в конце IX в. и сохранившееся лишь в одном экземпляре знаменитой «военной» рукописи Laurentianus LV-4, где оно безоговорочно атрибутируется императору ромеев Льву VI. Единственное издание — *Dain A. Leonis VI Sapiientis Problemata*. Paris, 1935. Трактат по форме не имеет аналогий во всей византийской военной традиции: он представляет собою род катехизиса, где на поставленные вопросы даются ответы, текстуально воспроизводящие соответствующие разделы «Стратегикона Псевдо-Маврикия». Сочинение состоит из 12 глав, в соответствии с 12 книгами «Стратегикона». Строго говоря, мы не можем говорить в данном случае о какой-либо самостоятельности Льва как военного писателя. Скорее всего, «*Problemata*» являлись подготовительными материалами для будущей «Тактики» — главного труда Льва в области военной науки.

⁶² Ряд соображений по поводу достоверности сведений трактата высказан нами в статье: «К вопросу о критериях достоверности сведений «Тактики Льва». — АДСВ, 8, 1972; см. также наши работы, указанные в прим. 48.

⁶³ *Dain A. Inventaire raisonné des cents Manuscrits des «Constitutions Tactiques» de Léon le Sage*. — *Scriptorium*, I, 1946/47, fasc. 1.

⁶⁴ *Dain A. «L'Extrait Tactique» tiré de Léon le Sage*. Paris, 1942; *idem*. *Naumachica*. Paris, 1943; *idem*. «L'Extrait nautique» tiré de Léon VI. — *Eranos*, 54, 1956, p. 151—159.

⁶⁵ Отдельные главы этого трактата были изданы в качестве приложения к «Тактике Льва»; см.: PG, 107, 1863, col. 1095—1120. Полный текст (без перевода и комментариев) опубликован А. Дэном; см.: *Dain A. Sylloge Tacticorum quae olim «Inedita Leonis Tactica» dicebatur*. Paris, 1938.

попытку определить источники трактата, время его создания и решить проблему авторства; он высказал предположение о принадлежности сочинения Александру, брату и соправителю Льва VI⁶⁶. Вернувшись к этому же вопросу несколько лет спустя, Р. Вари больше не решился именовать Александра автором трактата, ограничившись указанием на неофициальный (в отличие от «Тактики Льва») характер этого труда⁶⁷.

Большой вклад в изучение трактата внесен А. Дэнном. Он колебался в вопросе об авторстве сочинения, не решаясь поддержать мнение Р. Вари⁶⁸, но видя и аргументы в его пользу⁶⁹. В конце концов он склонился к датировке трактата серединой X в.⁷⁰, что означало отказ от гипотезы Вари. Вопрос об авторстве трактата и его датировке остается открытым до настоящего времени.

Трактат «*Sylloge Tacticorum*» (название предложено А. Дэнном) был задуман как свод небольших по размеру глав (всего их 102), скомпонованных в виде краткой военной энциклопедии. Разумеется, автор пользовался письменными источниками, но они существенно отличаются от источников сочинения Льва. В основу «*Sylloge Tacticorum*» положены два трактата, ныне полностью утраченных и реконструированных А. Дэнном под условными наименованиями «*Tactica perditia*»⁷¹ и «*Corpus perditum*»⁷², которые в свою очередь представляют собою компиляции более ранних трактатов. «*Sylloge Tacticorum*» более бедна по содержанию, чем «Тактика Льва», — интересы ее автора практически не выходят за рамки чисто военных проблем. Любопытны сведения по криптографии, содержащиеся в 76-й главе, — довольно редкая материя для военных трактатов. Трактат может представлять определенный интерес с точки зрения изучения приемов и методов компиляции, применяемых военными писателями.

«Стратегика императора Никифора» («*Praecepta Nicephori*»; «*Praecepta militaria*»)

В изучение этого трактата большой вклад был внесен русскими учеными. Впервые, занимаясь изучением знаменитого труда Кекавмена, на него обратил внимание В. Г. Васильевский. Причина заключалась в том, что и сочинение Кекавмена, и неизданный еще тогда военный трактат, приписываемый императору Никифору Фоке, находились в составе одного и того же рукописного сборника № 436 Московской Синодальной библиотеки. Русский исследователь высказал ряд предположений относительно авторства и датировки трактата, а также подчеркнул его ценность с точки зрения истории византийской военной терминологии, поскольку Дюканж не использовал это сочинение при составлении своего словаря⁷³.

Почти три десятилетия спустя Ю. Кулаковский осуществил издание названного трактата⁷⁴. В специальной литературе последующего времени возникла полемика вокруг вопроса о первоначальном объеме сочинения. Р. Вари доказывал, что опубликованный Ю. Кулаковским текст соста-

⁶⁶ *Vari R.* Die sogennante «*Inedita Leonis Tactica*». — *BZ*, 27, 1927, S. 268.

⁶⁷ *Vari R.* *Desiderata*. . . , S. 229—230.

⁶⁸ *Dain A.* La «*Tactique*» de Nicéphore Ouranos, p. 54; *idem.* *Sylloge Tacticorum*, p. 8.

⁶⁹ *Dain A.* *Les Stratégistes*, p. 357.

⁷⁰ *Dain A.* La «*Tactique*» de Nicéphore Ouranos, p. 54.

⁷¹ См.: *Dain A.* *Les Stratégistes*, p. 350—351.

⁷² *Ibid.*, p. 353. Вопросу о проблематике «Корпуса» посвящена специальная работа: *Dain A.* Le «*Corpus perditum*». Paris, 1939. Несколько по-иному вопрос о составе «Корпуса» и его влиянии на другие трактаты рассматривается в статье: *Vieillefond J.-R.* Adaptations et paraphrases du commentaire d'Enée le Tacticien. — *Revue de philologie de littérature et d'histoire anciennes*, 6 (58), 1932, p. 28—29.

⁷³ *Васильевский В. Г.* Советы и рассказы византийского боярина XI века. — *ЖМНП*, ч. 215, 1881, с. 244.

⁷⁴ *Стратегика императора Никифора.* Издал Ю. Кулаковский. — *Записки ИАН*, т. 8, № 9, 1908.

вляет лишь меньшую часть (примерно 40%) от общего объема сочинения, которое Вари именует «Праесерта Nicephori»⁷⁵. Если Ю. Кулаковский считал главным достоинством трактата его абсолютную самостоятельность и полную независимость от письменной традиции, то Р. Вари этого взгляда не разделял и предпринял попытку выяснить источники сочинения. В качестве таковых он указал на Онесандра, Полиена (в извлечениях), Секста Юлия Африкана, а также на автора «Неизданной Тактики Льва»⁷⁶. Впоследствии он добавил сюда также Элиана, Псевдо-Маврикия и Анонима VI в.⁷⁷ Однако Вари не исключал и наличия в трактате самостоятельных частей. С последним замечанием солидаризировался А. Дэн: по крайней мере, считал он, следует признать самостоятельными части, изданные Кулаковским⁷⁸. В вопросе о первоначальном объеме трактата Дэн занял компромиссную позицию: с одной стороны, он порицал Кулаковского, что тот ограничил трактат лишь изданными им главами, а с другой, не признавал безоговорочной и позицию Вари⁷⁹.

Вплоть до настоящего времени остается открытым и вопрос об авторстве трактата. Если В. Г. Васильевский не отрицал возможности авторства императора Никифора Фоки⁸⁰, то Ю. Кулаковский ограничился лишь указанием на принадлежность автора к высшим рангам военного сословия⁸¹. Р. Вари не дал прямого ответа на вопрос, хотя ввел имя императора Никифора Фоки в название трактата. А. Дэн вначале безоговорочно приписывал сочинение этому венценосному автору⁸², но впоследствии изменил свою точку зрения: предположение об авторстве императора не является обязательным; сочинение могло быть написано одним из военачальников Никифора Фоки, а опубликовано после смерти последнего (969 г.)⁸³. В связи с этим Дэн исключает имя Никифора из названия трактата, предлагая нейтральное «Праесерта militaria».

Проблематика сочинения практически не выходит за рамки военного дела. Трактат ценен прежде всего своими детальными характеристиками тяжеловооруженной кавалерии — так называемых катафрактов. Известно, что возникновение катафрактарной кавалерии как особого и главного рода войск связывается с деятельностью именно Никифора Фоки, законодательно повысившего стоимость солдатского имущества. С другой стороны, внимание автора трактата к пехотной фаланге позволяет отвести гиперкритические предположения Г. Дельбрюка о полном падении роли пехоты и ее исчезновении в X в. из состава вооруженных сил⁸⁴.

Трактат представляет собою практическое военное руководство по ведению войны на восточных границах империи против конкретного противника — арабов. «Ученость» автора исчерпывается немногими замечаниями по истории македонской фаланги и единичными толкованиями терминологии «древних».

Что касается чисто литературных характеристик трактата, то его достоинства в этом плане чрезвычайно низки. Еще Ю. Кулаковский подчеркивал, что стиль автора типичен для военачальника, профессионально владеющего своим предметом, но не обладающего навыками литератора. Часты нарушения логики изложения материала; нет равномерности в его распределении между затронутыми вопросами; единственное, по мнению

⁷⁵ *Vari R.* Die «Praecepta Nicephori», S. 50.

⁷⁶ *Ibid.*, S. 51—52.

⁷⁷ *Vari R.* Desiderata, S. 231.

⁷⁸ *Dain A.* La «Tactique» de Nicéphore Ouranos, p. 47.

⁷⁹ *Ibid.*, p. 51.

⁸⁰ *Васильевский В. Г.* Указ. соч., с. 224.

⁸¹ Стратегика императора Никифора, с. 23—26.

⁸² *Dain A.* La «Tactique» de Nicéphore Ouranos, p. 47.

⁸³ *Dain A.* Les Stratégistes, p. 370.

⁸⁴ *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории, т. III. М., 1938, с. 141—146.

А. Дэна⁸⁵, что заслуживает одобрения, — это «достаточная современность языка» автора, отличающая его от исключительно книжного стиля «Тактики Льва».

Имеющийся в трактате ряд новых, оригинальных сведений, выходящих, даже помимо воли автора, за рамки чисто военных проблем (об этом см. ниже), вселяет надежду преодолеть со временем еще превалирующее в ученой литературе скептическое отношение к «столь слабо обработанному и нескладно изложенному творению, каким является «Стратегика»⁸⁶.

«De velitatione bellica»

Ко времени царствования императора Никифора Фоки относятся еще два заслуживающих внимания сочинения. Первое из них — «De velitatione bellica» — было введено в научный оборот еще в начале XIX в.⁸⁷ и привлекало к себе большое внимание исследователей. Некоторые ученые не исключали, что трактат мог быть написан Никифором Фокой, но большинство полагало, что последний был лишь инициатором его создания. Так, Р. Вари предлагал видеть в авторе византийского полководца Никифора Урана, который выполнил волю умершего уже к тому времени императора и изложил его опыт войн с арабами⁸⁸. Ю. Кулаковский, не согласившись с этим мнением, считал, что автором сочинения был «верный сподвижник и почитатель» Никифора Фоки, но конкретного лица при этом не называл⁸⁹. Впрочем, и Вари позднее не настаивал на своей точке зрения и ограничивался указанием, что трактат написан анонимным автором⁹⁰. А. Дэн также считал, что неизвестный автор «De velitatione bellica» действовал по инициативе Никифора Фоки⁹¹.

Анализируемый трактат содержит описание войн с арабами на восточных границах империи. Если ранее рассмотренная «Стратегика» ведет речь о солидных военных экспедициях на территорию противника силами не менее 24 тыс. чел.,⁹² то у автора «De velitatione bellica» стычки ведутся малыми силами: армия в 5—6 тыс. чел. считается достаточной для успеха операции. Характер стычек стремительный и непродолжительный, с применением многочисленных и разнообразных хитростей, засад, ночных нападений; нет и речи об осадах, длительных маневрах, стратегии измора или выжидания. Много говорится об организации шпионской и разведывательной служб.

Все исследователи «De velitatione bellica» единодушны в высокой оценке его стилистических и композиционных достоинств. Написанный ярким языком, этот трактат с литературной точки зрения занимает первое место среди аналогичных памятников за всю многовековую историю византийской военной науки. Прямые обращения автора к военачальнику придают излагаемому материалу еще большую живость и непосредственность. Материал в трактате великолепно скомпонован, изложение ведется последовательно и логично, все части сочинения гармонично уравновешены. При этом писательское мастерство автора находится в счастливом сочетании с его профессиональными достоинствами полководца. Автор сочинения — человек опытный, в совершенстве владеющий своим

⁸⁵ Dain A. La «Tactique» de Nicéphore Ouranos, p. 48—49.

⁸⁶ Выражение Ю. Кулаковского (Стратегика императора Никифора, с. 26).

⁸⁷ Первое издание: *Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem et liber de Velitatione bellica Nicéphori Augusti*, ed. C. V. Hase. Parisiis, 1819, включено в боннское издание (1828 г.). Имеется старый русский перевод Д. Попова: «О спибках с неприятелями», приложен к русскому изданию «Истории» Льва Диакона (СПб., 1820).

⁸⁸ Цит. по Ю. Кулаковскому; см. ВЗ, 7, 1902, S. 550.

⁸⁹ Стратегика императора Никифора, с. 25.

⁹⁰ *Vari R. Desiderata*, S. 231.

⁹¹ Dain A. Les Stratégistes, p. 369.

⁹² Стратегика императора Никифора, с. 24.

предметом. В целом за трактатом вполне обоснованно закрепилась репутация солидного источника, содержащего сведения столь же яркие по форме, сколь и надежные по своей достоверности.

«De castrametatione»

Трактат был обнаружен Ф. Гаазе⁹³ вместе с «De velitatione bellica», и последующее изучение этих двух сочинений по большей части шло параллельно. Текст «De castrametatione» был издан почти одновременно двумя учеными — А. Мартеном и Р. Вари⁹⁴. А. Мартен предположил, что автором «De castrametatione» и «De velitatione bellica» был один и тот же человек и что первый трактат следует рассматривать как продолжение и дополнение другого. Р. Вари также обнаружил внутреннее единство между трактатами и утверждал, что оба они написаны по настоянию Никифора Фоки одним и тем же автором, именно Никифором Ураном⁹⁵. Авторство последнего признавал и Ю. Кулаковский⁹⁶, но он отрицал возможность создания «De castrametatione» и «De velitatione bellica» одним и тем же лицом; авторы этих двух трактатов, по его мнению, не знали сочинений друг друга, хотя могли принадлежать к одному кругу и вдохновляться общими идеями⁹⁷. Кулаковский полагал, что трактат возник между 991 и 995 гг. и был предназначен для Василия II⁹⁸. А. Дэн также признает «несомненное родство» между «De velitatione bellica» и «De castrametatione», датирует последний трактат третьей четвертью X в.⁹⁹, но вопрос об авторстве оставляет открытым.

По содержанию рассматриваемый трактат гораздо шире, чем это отражено в его традиционном наименовании: кроме вопросов лагерного устройства, в его 32 главах рассмотрены самые различные военные сюжеты. В отличие от «De velitatione bellica», рисующего положение на арабской границе, автор «De castrametatione» ведет речь преимущественно о положении на западных рубежах империи, где армия рассматривается, вероятно всего, в состоянии войны с печенегами, тюркскими кочевниками, русскими, но в первую очередь — с болгарами. Автор обращается непосредственно к императору, стоящему во главе армии. Не вызывает сомнений предметное и непосредственное знакомство автора с практикой военного дела; его зависимость от книжной традиции практически ничтожна. Но стилистические и композиционные характеристики сочинения заслуживают более скромной оценки, чем в трактате «De velitatione bellica», автор которого избрал для рассмотрения сравнительно ограниченный круг вопросов и потому смог блеснуть яркой и красочной их разработкой. Автор же «De castrametatione», задавшийся целью создать всеобъемлющее, практически универсальное военное руководство, заранее обрек себя на более сухое, строгое, иногда тезисное изложение, существенно отличающееся от блестящего эссе своего коллеги.

⁹³ Впрочем, трактат был известен еще задолго до Ф. Гаазе: как доказано Ю. Кулаковским («Новоизданный трактат по военному делу». — ВВ, 7, 1900, с. 648—650), им располагали Меурсий и Дюканж.

⁹⁴ Сведения об изданиях трактата см.: *Dain A. Les Stratégistes*, p. 369. Первые 8 глав были переведены и прокомментированы Ю. Кулаковским — ВВ, 10, 1903, вып. 1—2. Его же развернутые рецензии на издания Мартена и Вари помещены в ВВ, 7, 1900, вып. 4, с. 646—660 и в ВЗ, 7, 1902, S. 547—558.

⁹⁵ Цит. по Ю. Кулаковскому, см.: ВЗ, 7, 1902, S. 549—550.

⁹⁶ *Ibid.*, S. 558. Р. Варя (*Desiderata*, S. 231) подчеркивал этот факт с особым удовлетворением.

⁹⁷ ВВ, 7, 1900, с. 651—652; ВЗ, 7, 1902, S. 557.

⁹⁸ ВВ, 7, 1900, с. 657; ср. ВВ, 10, 1903, с. 63; ВЗ, 7, 1902, S. 555.

⁹⁹ *Dain A. Les Stratégistes*, p. 369.

«Тактика Никифора Урана»

Серию военных трактатов X в. (этого «золотого века» византийской военной литературы, по выражению А. Дэна¹⁰⁰) завершает огромный компилятивный труд, известный под наименованием «Тактики Никифора Урана»¹⁰¹. Детальное изучение трактата чрезвычайно затруднено, поскольку до сих пор отсутствует полное его издание, хотя отдельные части трактата публиковались неоднократно¹⁰². В рукописях он также не встречается в полном виде, но разбросан по частям в различных списках; всего Дэн насчитывает 18 рукописей, из которых 3 являются основными, а остальные 15 — копиями этих оригиналов¹⁰³. Дробление манускрипта-протогипа на отдельные части привело к исчезновению первоначального заглавия труда, а упоминание в заголовках некоторых рукописей имени Константина давало возможность приписывать сочинение разным лицам, носившим это имя, — от Константина, брата Льва VI, до Константина VIII, и в зависимости от этого датировать трактат от 878 до 1028 г.¹⁰⁴ Исследования Дэна положили конец этим спорам; общепризнанной датировкой трактата стал конец X в.

Трактат представляет собой самый яркий образец компилятивной литературы на военную тему. Если ранее названные сочинения в той или иной степени несут на себе отпечаток личности своего автора, содержат хоть какой-то материал для индивидуального, персонафицированного к нему подхода, то «Тактика Никифора Урана» — полностью обезличенная компиляция, «единственной чертой которой является лишь парафраза»¹⁰⁵. Сочинение целиком основано на предшествующей письменной традиции. Перечень источников содержится в надписании одной из рукописей¹⁰⁶; здесь мы встречаем множество имен (всего их 17); некоторые известны как авторы более ранних военных сочинений (Арриан, Элиан, Онесандр, Полибий, Маврикий и др.), а о других не известно ничего (Пелоп, Менас, Аниба и др.); возможно, предполагает Дэн, это авторы сочинений, к настоящему времени утративших начало или оставшихся анонимными¹⁰⁷.

А. Дэном предпринята попытка установить соотношение трактата Никифора Урана с предшествующей письменной традицией. Все его многочисленные источники он сводит к четырем основным комплексам¹⁰⁸, каждый из которых в свою очередь также носит компилятивный характер. Среди них важнейшими являются «Тактика Льва», «Стратегика императора Никифора», упомянутый выше «*Corpus perditum*», а также сочинение Элиана. Лишь в одном месте (гл. 176, где речь идет об устройстве лагеря) Дэн затрудняется определить прямой источник, но отнюдь не из-за отсутствия подобных сведений у предшественников Никифора, а, наоборот, вследствие их обилия.

Способ передачи Никифором сведений своих источников максимально прост — чаще всего это текстуальное воспроизведение, без изменения порядка слов и способа выражения. Так, Дэн обратил внимание на случаи, когда формулировки «Тактики Льва» — «наш отец» и «наш полководец» — без изменения воспроизводятся Никифором Ураном, отчего получается, что автор объявляет себя сыном Василия I, а Никифора

¹⁰⁰ Dain A. Les Stratégistes, p. 373.

¹⁰¹ Название предложено А. Дэном. О личности Никифора Урана см. заметку А. Пападопуло-Керамевса (BZ, 8, 1899, S. 66—70).

¹⁰² См.: Dain A. Les Stratégistes, p. 371.

¹⁰³ Dain A. La «Tactique» de Nicéphore Ouranos, p. 11.

¹⁰⁴ Ibid., p. 133 sq.

¹⁰⁵ Dain A. Les Stratégistes, p. 371.

¹⁰⁶ Ibidem.

¹⁰⁷ Ibidem.

¹⁰⁸ Ibid., p. 373.

Фоку Старшего — своим полководцем¹⁰⁹. Зависимость автора от предшественников совершенно слепая. Здесь показателен следующий пример: некоторые из отдаленных источников оказываются инкорпорированными сразу в два комплекса, непосредственно используемых Никифором, — тогда он, не затрудняя себя сравнениями и взаимопроверками, парафразирует их дважды¹¹⁰. Лишь в двух случаях, в главах 76 и 122, Никифор решился поправить фразу предшественника, и лишь единственный сюжет в этой громадной энциклопедии А. Дэн склонен рассматривать как проявление авторской самостоятельности — речь идет о способах преодоления водных преград¹¹¹. В целом же «Тактика Никифора Урана» — это образец компиляции практически в чистом виде, почти лишенной самостоятельности, полностью обезличенной, в которой попытка обнаружения собственных мыслей автора встречает неодолимые препятствия.

Несмотря на громадные размеры сочинения и разнообразие его тематики, оно характеризуется внутренним единством. Автор всюду сохраняет собственный стиль, максимально соответствующий его парафрастическим приемам и методам. Синтаксическое построение фраз довольно однообразно, а лексика отличается бедностью.

Говоря о значении «Тактики Никифора Урана» в истории военной литературы, нужно иметь в виду, что это — последний по времени, самый полный свод военных знаний, по существу военная энциклопедия, завершающая многовековое развитие византийской военной науки. В этом плане, казалось бы, самые предосудительные черты сочинения (крайняя несамостоятельность, слепое следование оригиналу) оборачиваются своеобразными достоинствами: трактат воспроизводит содержание многих военных сочинений, ныне полностью утраченных или дошедших до нас во фрагментах. Можно предположить, что весьма плодотворной явилась бы работа по сличению полного текста источников Никифора и тех частей из них, которые он счел необходимым включить в свое сочинение, — совершенно очевидно, что выявление закономерностей этого отбора дало бы ценные результаты в плане выяснения общих тенденций развития военно-теоретической мысли византийцев как в X в., так и в последующие периоды, от которых памятников военной литературы практически не сохранилось.

Трактат заслуживает внимания и с чисто литературной, филологической точки зрения — именно своими негативными сторонами. Памятники подобного рода ценны для исследователя-литературоведа как антиподы самобытности и оригинальности. На фоне этой классической компиляции ярче и выпуклее проступают достоинства других произведений на военную тематику, не лишенных авторской самостоятельности. Изучение парафрастических приемов Никифора Урана, проникновение в его «творческую лабораторию» вооружит исследователя навыками обнаружения даже незначительных, микроскопически малых элементов авторской оригинальности.

Концом X в. фактически завершается период развития византийской военной литературы в собственном смысле этого слова. Рассмотренный нами период VI—X вв. весьма насыщен такими памятниками, но распределение их внутри периода крайне неравномерно. «Византийский Аноним VI в.» еще тесно связан с предшествующим (римским) периодом военной истории — своим содержанием он фактически обращен в прошлое, а не в будущее. Следующие три столетия представлены всего двумя сочинениями, олицетворяющими исходный («Стратегикон Псевдо-Маврикия») и высший («Тактика Льва») этапы в развитии фемного строя. Возникновение значительного числа трактатов в течение второй половины X в. слу-

¹⁰⁹ Dain A. La «Tactique» de Nicéphore Ouranos, p. 46.

¹¹⁰ Dain A. Les Stratégistes, p. 373.

¹¹¹ Ibidem.

жит показателем активизации военно-теоретической мысли византийцев в связи с поисками выхода из кризисного состояния византийской военной организации, базировавшейся на принципах феодального строя.

2. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО ДАННЫМ ВОЕННЫХ ТРАКТАТОВ

Византийские военные трактаты — это, разумеется, прежде всего памятники военно-теоретической мысли и итоги обобщения боевой практики соответствующей эпохи. Однако их авторы во многих случаях не ограничивались рассмотрением только узкоспециальных проблем. Большинство византийских военных писателей было свойственно понимание неразрывной связи военного дела с внутренним положением государства, а также характером внешнеполитической ситуации. Они отдавали себе отчет в особой важности военной функции государства по сравнению с другими направлениями его деятельности.

Эти идеи отчетливо звучат уже в самом раннем из названных трактатов — «Византийском Анониме VI в.», автор которого рассматривал военное дело как составную и важнейшую часть государственной политики, всей государственной жизни в целом¹¹². Очевидно, такое понимание проблемы не могло быть продуктом домысла одного лишь автора — скорее всего, оно являлось отражением концепций, господствовавших в общественно-политической жизни того времени. Известно, какое внимание уделялось армии в юстиниановскую эпоху, когда предпринималась отчаянная попытка реставрации могущества и прежней территории Римской империи. Сила и влияние этих милитаристских концепций были настолько велики, что они стали органической частью мировоззрения даже таких скромных по своему социально-политическому положению армейских чинов, к которым принадлежал и наш автор¹¹³. Понимание войны как важнейшей функции государственного организма дало повод автору посвятить начальные главы своего сочинения характеристике социального строя современного ему общества. Автор поставил перед собой задачу определить место той или иной социальной группы в экономике империи, в ее политике и, разумеется, в ее военной организации.

Все население империи аноним подразделяет на две неравные (и по численности, и по положению) части. Первая из них носит наименование «архонтов» — это руководители, правящие верхи общества, социальное предназначение которых состоит именно в том, чтобы управлять другими. Вторую часть составляют «подчиненные» (*ὑπηρετούμενοι*), обязанные беспрекословно выполнять распоряжения правящей элиты. Осуществляя свое социальное предназначение, архонты должны обладать рассудительностью и порядочностью, компетентностью в решении дел, вынесенных на их рассмотрение; склонность архонтов к интригам, их стремление занять более высокое положение, чем они заслуживают, вызывают со стороны автора осуждение¹¹⁴.

Приступая к характеристике правящей элиты, аноним ставит на высшие ступени социальной лестницы богословов и законовевов¹¹⁵; их сферу деятельности он считает сугубо специальной, недоступной остальной массе населения. Об иератическом сословии говорится сравнительно немного: клирики должны быть скромными и смиренными служителями бога, верными апостольским правилам и традициям¹¹⁶. Несколько более

¹¹² Der Byzantiner Anonymus, IV, 1, S. 54.

¹¹³ См.: Пигулевская Н. В. Византия и Иран, с. 21—22.

¹¹⁴ Der Byzantiner Anonymus, III, 3, S. 48.

¹¹⁵ Ibid., I, 1—2, S. 42.

¹¹⁶ Ibid., III, 2, S. 48.

подробно характеризуется сословие, связанное с законодательством. При этом заслуживает внимания общий взгляд автора на цели законодательства: оно призвано предотвращать социальные конфликты в обществе, удерживать социальные группировки в рамках прав, привилегий и обязанностей, установленных законом. В этой позиции можно увидеть как отражение общих концепций законодательства юстиниановской эпохи, абсолютизирующих роль права в регулировании общественных отношений, так и несомненный отзвук тех бурных социальных конфликтов, современником которых являлся аноним.

В особую группу архонтов выделяются «советники» (τὸ συμβουλευτικὸν μέρος),), представители сенаторской знати, входящие в состав совета при императоре. При этом автор проявляет осведомленность в практике работы совета: хотя решения здесь принимаются большинством голосов, все зависит от позиции наиболее близкой к императору группы «лучших людей» (οἱ ἀριστοὶ τῶν ἀνδρῶν) ¹¹⁷. Советникам должны быть присущи такие черты, как мудрость, рассудительность, высокая ответственность, верность долгу; они должны действовать независимо от родственных и дружественных привязанностей, быть честными и неподкупными ¹¹⁸.

Важнейшей сферой государственной деятельности автор трактата считает осуществление правосудия. Судья (ὁ δικαστής) должен в совершенстве знать действующее законодательство, обладать навыками практической работы на судебном поприще. Из человеческих качеств ему должны быть присущи смелость, решительность, объективность при рассмотрении дел, честность и неподкупность; доброта и снисходительность в отношении невинных людей должны сочетаться в нем с непримиримостью и суровостью, когда дело касается злостных правонарушителей и преступников ¹¹⁹.

Большое внимание уделяется анонимом и финансовому управлению, в частности организации сбора налогов. Будучи военным человеком, он отчетливо сознавал прямую зависимость и неразрывную связь между финансовым и военным могуществом государства; поэтому в его понимании чиновники финансового ведомства (τὸ χρηματικὸν μέρος) по степени их социальной ценности не уступают судебскому сословию. От сборщиков податей тоже требуется профессиональная пригодность: осведомленность в математике, метрологии, агрономии и других науках, так как размер податей определяется не только количественными критериями (площадь земельного участка), но и качественными показателями (производительность земли в виде выращенных на ней плодов или добытых из нее металлов) ¹²⁰.

Вслед за чиновниками судебного и финансового ведомств автор помещает представителей научно-технической интеллигенции (τὸ τεχνικὸν μέρος) ¹²¹. Аноним предпочитает техническое (в частности, математическое) образование гуманитарному — вероятно, здесь играет роль профессиональная принадлежность самого автора. Однако наряду с этим аноним решительно протестует против узкой, ограниченной специализации научно-технических кадров, выступая за широкое, разностороннее образование; не случайно здесь ему приходит на память аналогия с энциклопедической подготовкой античных мыслителей и инженеров, например Пифагора.

Анонимом зафиксировано и существование особого «театрального сословия», куда отнесены артисты, музыканты, профессиональные возничие на ипподроме. Видимо, симпатий к ним автор не испытывает, но вынуж-

¹¹⁷ Ibid., II, 3, S. 44.

¹¹⁸ Ibid., III, 4, S. 48.

¹¹⁹ Ibid., III, 5, S. 48.

¹²⁰ Ibid., III, 6, S. 50. См.: *Пигулевская Н. В.* Византия и Иран, с. 120.

¹²¹ Der Byzantiner Anonymus, II, 5, S. 46.

ден считаться с фактом их существования как с объективной реальностью, «свойственной только ромеям»¹²².

Покончив с этим, аноним переходит к характеристике сословий, непосредственно связанных со сферой общественного производства, являющихся для государства «полезными» сословиями. К ним отнесены торговцы (τὸ ἐμπορικὸν μέρος), ремесленники, обрабатывающие сырье (τὸ ὀλιχὸν μέρος), неквалифицированные рабочие люди (τὸ ὑπερτιχὸν μέρος). Торговля рассматривается автором как важнейшая сфера социальной деятельности, обеспечивающая необходимое и разумное перераспределение общественного продукта между различными сословиями¹²³. Среди производства сырьев, обрабатываемого ремесленниками, названы железо и нефть¹²⁴. Поскольку это сырье привозится издалека, оно имеет значительную цену; отсюда становится понятным замечание анонима, что ремесленники должны быть достаточно кредитоспособными¹²⁵. Что же касается рабочего люда, то он должен быть сильным, здоровым, по возможности молодым, чтобы беспрекословно выполнять все то, что от него потребуется¹²⁶. Характеристику современного ему общества аноним заканчивает упоминанием категории «беспольных» людей (τὸ ἄχρηστον μέρος), куда отнесены старики, дети и больные¹²⁷. Своим существованием они обязаны благотворительности других людей, щедрости и милосердию которых должны сочетаться с осмотрительностью, чтобы филантропы не стали жертвами обмана со стороны бесчестных мошенников и проходивцев¹²⁸.

В целом нарисованная анонимным автором картина социальной структуры византийского общества юстиниановской эпохи отличается достаточной яркостью. Правда, она далека от завершенности, поскольку здесь отсутствует даже упоминание о самой значительной по численности категории населения — крестьянстве, как, впрочем и о сельских жителях вообще: интересы нашего автора не распространяются дальше черты городских стен. Отсутствует и суммарная характеристика военного сословия. Не вызывает сомнения, что эти упущения сделаны автором вполне сознательно и продиктованы, скорее всего, какими-то соображениями структурного порядка¹²⁹. В самом деле, невозможно предположить, что о существовании указанных категорий автор не знал или не имел достаточно ясного представления; особенно недопустимо такое предположение относительно военного сословия, к которому он сам принадлежал.

Затронутые во вводных главах трактата проблемы государственного права, социологии, политической экономии решены автором непрофессионально, в большинстве случаев с дилетантских позиций. Но, как ни парадоксально, именно в этом и заключается ценность данного раздела. По степени разработки указанных проблем мы можем составить представление об общем уровне духовной культуры средних слоев населения юстиниановской Византии. Это именно взгляд на общество изнутри, из середины — и в социальном, и в интеллектуальном плане: среднесостоятельный и среднекультурный византиец (кстати сказать, далеко не несомненный «ромей») донес до наших дней как бы моментальный снимок современного ему общества.

¹²² Der Byzantiner Anonymos, III, 15, S. 54.

¹²³ Ibid., II, 6, S. 46.

¹²⁴ Ibid., II, 7, S. 46.

¹²⁵ Ibid., III, 12, S. 52.

¹²⁶ Ibid., II, 8, S. 46; III, 14, S. 54.

¹²⁷ Ibid., II, 9, S. 46.

¹²⁸ Ibid., III, 13, S. 54.

¹²⁹ Главы, следующие за тремя начальными, посвящены осаде и обороне городов. Это ограничивало задачу автора характеристикой только городского населения. Возможно, что на первом, утраченном листе трактата содержалось обоснование такого ограничения.

Более поздние памятники военной литературы не включают специальных разделов, подобных тому, который разобран выше: в этом плане «Византийский Аноним VI в.» оказывается уникальным произведением. Аналогичные сведения о социальных отношениях, содержащиеся в других трактатах, имеют гораздо более фрагментарный характер; к тому же они не суммируются в одном месте, но разбросаны по всему произведению. Поэтому их обобщение и анализ оказываются делом весьма затруднительным, но такая работа может принести интересные результаты: эти свидетельства способны значительно дополнить и конкретизировать составленные на основании других источников наши представления о сущности социальной структуры византийского общества в тот или иной период, динамике и перспективах ее развития.

«Стратегикон Псевдо-Маврикия» содержит данные лишь об одной категории населения — военном сословии; отдельные замечания о других категориях делаются лишь в плане их взаимоотношений с армией. Так, уже в тексте военной присяги содержится запрещение воинам наносить ущерб частному лицу¹³⁰; при совершении маршей рекомендуется щадить «возделанные места» и ограждать от убытков местных жителей¹³¹; в этой же ситуации следует воздерживаться от прохождения через населенные пункты¹³² и т. д. Вопрос же о составе местного населения автора «Стратегикона» не интересует.

Каким обрисовывается в «Стратегиконе» военно-служилое сословие? Прежде всего, бросается в глаза то важнейшее обстоятельство, что автор имеет здесь дело с качественно иным людским материалом, чем его предшественники по военной науке. «Стратегикон» отразил особый этап в истории военной организации Византийской империи, связанный с крахом старой регулярной армии и зарождением новой армии, основу которой составляют иррегулярные ополчения, характерные для последующего периода фемного строя; в свою очередь эти изменения были вызваны к жизни существенными переменами в социально-экономических отношениях и внешнеполитическом положении империи, действие которых стало ощущаться с конца VI в.

К военно-служилому сословию предъявляется ряд требований: гражданская правоспособность, христианское вероисповедание¹³³; можно предполагать, что предельный возраст рекрута устанавливался в 40 лет¹³⁴. От физического состояния солдат зависело их распределение по строям и службам: сильные и крепкие располагались в первых рядах, чтобы произвести впечатление на неприятеля¹³⁵; хилые и слабые несли службу в обозе и использовались в качестве слуг¹³⁶, а также исполняли обязанности санитаров¹³⁷.

«Стратегикон» дает понять, что рекрут являлся на призыв со своим конем¹³⁸ и необходимым вооружением¹³⁹. Более сложные элементы вооружения и снаряжения приобретались воином в месте сбора на свои средства — после того как мерархи собирали сведения о необходимости коней и военного снаряжения для своих воинов, они сообщали об этом стратегу, а последний был обязан обеспечить возможность таких закупок¹⁴⁰. Сол-

¹³⁰ Strategicon, I, 7, 2, p. 64.

¹³¹ Ibid., I, 9, 9, p. 70.

¹³² Ibid., I, 9, 11, p. 70.

¹³³ *Aussaresses F. L'armée byzantine*, p. 10.

¹³⁴ Strategicon, I, 2, 4, p. 52. Это же возрастное ограничение встречаем несколько столетий спустя в трактате, приписываемом императору Никифору Фоке (Стратегика императора Никифора, с. 4).

¹³⁵ Strategicon, IX, 5, 10, p. 244; X, 1, 3, p. 248 etc.

¹³⁶ Ibid., I, 5, 5, p. 60.

¹³⁷ Ibid., III, 17a, 5, p. 192.

¹³⁸ Ibid., VII, 17a, 20, p. 194.

¹³⁹ Ibid., I, 2, 1, p. 50.

¹⁴⁰ Ibid., I, 2, 16, p. 54.

даты могли иметь слуг из числа рабов или свободных — для этой цели они получали из казны специальные средства ¹⁴¹. Были, впрочем, и воины, не имевшие средств на приобретение слуг, тогда распоряжением властей таким бедным воинам выделялись слуги в централизованном порядке (из расчета: один слуга на трех-четыре воинов) ¹⁴². Высшие же армейские чины располагали значительным штатом прислуги ¹⁴³. Военнослужащим не возбранялось брать с собой в поход жен и детей ¹⁴⁴, которые обычно находились в обозе.

Неоднократно в «Стратегиконе» упоминания о находящихся в армии «иноплеменниках». В одном месте ¹⁴⁵ речь идет, очевидно, о союзниках, принимающих участие в сражении, — им дозволяется принимать тот боевой порядок, который им свойствен «по обычаю». Собственный же порядок, равно как и тактические приемы от них (как и от врагов), рекомендуется скрывать ¹⁴⁶. Нужно позаботиться, чтобы у «иноплеменников» был отдельный лагерь и чтобы в походе они шли тоже отдельно, — эти предосторожности не лишни в предвидении возможных столкновений в будущем с бывшими союзниками ¹⁴⁷. Если же в войске окажутся одноплеменники неприятеля, их рекомендуется накануне сражения «под благовидным предлогом» удалить из войска, отослав в другое место, чтобы пресечь возможность измены ¹⁴⁸.

Воины привлекались в армию по мере необходимости, очевидно, лишь в случае военной опасности. Характер материала, излагаемого в трактате, весь смысл, вся логика авторских рассуждений свидетельствуют о том, что основная масса стратиотов в мирное время была занята делами, не связанными с военной службой. Исключая гвардию (о ней в трактате нет упоминаний вообще) и некоторые «корпуса элиты» ¹⁴⁹, основную массу армии составляли подразделения ополченцев, срок службы которых исчислялся продолжительностью военной кампании.

Будучи призванными на службу, эти ополченцы начинали свое военное обучение, буквально, с нуля. Не случайно трактат уделяет исключительное внимание обучению воинов — сначала одиночному ¹⁵⁰, а затем групповому; мысль о необходимости постоянных упражнений не оставляет нашего автора ни на минуту ¹⁵¹. Здесь же, на месте сбора, производится снаряжение и обмундирование воинов ¹⁵², назначаются командиры и другие должностные лица, формируются подразделения ¹⁵³, а затем воины, прошедшие своеобразный «курс молодого бойца», после ознакомления с содержанием военно-дисциплинарного кодекса ¹⁵⁴, приводятся к присяге; лишь с этого момента начинается их действительная служба.

Находясь «под ружьем», стратиоты состояли на государственном обеспечении; по мере того, как они убывали со строевой службы, казна складывала с себя эти обязанности. Поэтому вполне объяснимо стремление военного руководства не задерживать воинов в армии без надобности и быстрее отпускать их по домам после окончания кампании. На зимних квартирах, особенно на территории противника, войско предпочитали

¹⁴¹ Strategicon, I, 2, 11, p. 54.

¹⁴² Ibidem.

¹⁴³ Ibid., I, 9, 7, p. 68.

¹⁴⁴ Ibid., V, 1, 2, p. 150.

¹⁴⁵ Ibid., II, 5, 5, p. 84.

¹⁴⁶ Ibid., VII, 4a, p. 176.

¹⁴⁷ Ibid., VIII, 2, 69, p. 216.

¹⁴⁸ Ibid., VII, 16, p. 174; VII, 16a, 11, p. 190—192.

¹⁴⁹ *Aussaresses F. L'armée byzantine*, p. 13—15.

¹⁵⁰ Strategicon, I, 1, p. 48—50.

¹⁵¹ Ibid., IV, 5, 5, p. 148; VI, 1, p. 156.

¹⁵² Ibid., I, 2, p. 50—56.

¹⁵³ Ibid., I, 3—5, p. 56—60.

¹⁵⁴ Ibid., I, 6—8, p. 62—66.

не задерживать; если все-таки это было необходимо, стратиот в это время мог получить отпуск продолжительностью до трех месяцев ¹⁵⁵.

Можно предположить, что изменившийся характер военной организации сопровождался известным ухудшением качественного (в профессиональном смысле) состава армии, сокращением ее численности ¹⁵⁶, ухудшением дисциплины ¹⁵⁷, определенным общим упадком военного дела. Наш автор, будучи профессиональным военным, воспитанным в традициях классической римской военной науки, во введении к трактату с тревогой фиксирует падение интереса к военному искусству, опасаясь, что оно может прийти в совершенное забвение и военачальники утратят необходимую квалификацию ¹⁵⁸.

Таким образом, автор трактата вводит нас в ситуацию, характеризующуюся зарождением основ будущей фемной военной организации ¹⁵⁹, современником расцвета которой был другой военный писатель — император Лев VI.

За три столетия, отделявших «Стратегикон» от сочинения Льва ¹⁶⁰, количественные накопления перешли в качественные изменения. Фемный строй уже выкристаллизовался с достаточной четкостью, и отдельные его элементы могли стать объектом теоретического осмысления, — этим и занимается Лев. Если его предшественник, стоявший у истоков фемной военной организации, рисует нам современную армию не такой, какой он хотел ее видеть, а такой, какой она была ¹⁶¹, то Лев мог себе позволить размышлять об идеальной модели армии фемного типа ¹⁶². Вместе с тем Львом уже были зафиксированы первые, еще спорадические, пока не сливающиеся в общую картину, но уже весьма характерные элементы приближающегося кризиса фемного строя ¹⁶³.

В период после царствования Льва VI кризис фемной военной организации усиливается; идет процесс феодализации вооруженных сил, выражающийся в двух основных тенденциях. Первая из них заключалась в консолидации военно-служилого сословия, в превращении его в замк-

¹⁵⁵ Strategicon, I, 7, 3, p. 64.

¹⁵⁶ Ibid., XII, 8, 8, 2, p. 318.

¹⁵⁷ В «Стратегиконе» неоднократно упоминаются возмущения, бунты в армии (например, VIII, 2, 14, p. 206); главной причиной их автор трактата считает праздность стратиотов.

¹⁵⁸ Strategicon, praef., p. 42.

¹⁵⁹ Замечание Р. Вари (Zur Überlieferung, S. 70) о том, что автор «Стратегикона» не знает фемного строя, должно быть уточнено: действительно, он не знаком с ним как с совокупностью социально-экономических, административных и военных мероприятий, т. е. с фемным строем в его окончательном, завершенном виде. Однако автор «Стратегикона» имел дело с армией, которая по своему составу, структуре, состоянию «воинского духа», принципам комплектования, боевого снаряжения и материально-технического обеспечения — короче говоря, по всем своим основным, квалифицирующим признакам фактически ничем не отличалась от армии периода фемного строя. Отмечая этот факт Ю. Кулаковский писал: «Римские солдаты времени Маврикия были уже не теми что раньше. Еще до Юстиниана растаяли полки старой регулярной армии и стал зарождаться новый порядок в форме ополчения, который затем сложился в виде ем и сословия статииотов. Армия при Маврикии состояла из людей, должных являться под знамена в случае надобности; из этих ополченцев полководец сам формирует свою армию, доводя ее до готовности. Конь и оружие — собственность ополченца; с ними он является в армию» (Кулаковский Ю. Рец. на русский перевод «Стратегикона», с. 533—534).

¹⁶⁰ В специальной литературе не исключалась возможность создания за это время других сочинений, которые, однако, оказались утраченными в период «темных веков» византийской истории; попытка заполнения указанной лакуны предпринята А. Дэном (Les Stratégistes, p. 346—353). Но представляется вероятным и другое предположение: в создании таких трактатов просто не было необходимости, так как на всем протяжении существования фемной военной организации принципы, заложенные «Стратегиконом», сохраняли свою жизнеспособность.

¹⁶¹ Aussenances F. L'armée byzantine, p. 7.

¹⁶² См. об этом подробнее нашу статью: «Тактика Льва» как исторический источник». — ВВ, 33, 1972, особенно с. 8—86.

¹⁶³ См. там же, с. 86—87.

ную социальную группировку, противопоставленную остальной массе населения империи и стоящую над этой массой. Вторая состояла в росте социальных антагонизмов внутри самого стратиотского сословия. Законодательство Никифора Фоки, увеличившего втрое (до 12 литр) стоимость солдатского имущества, легализовало уже сложившийся на практике резкий водораздел между военно-служилым сословием, которое отныне было представлено феодально-рыцарскими контингентами, и крестьянской массой, вытесненной за рамки стратиотского сословия, утратившей права и привилегии «защитницы отечества»¹⁶⁴. Самая детальная, развернутая характеристика этого рыцарского контингента (так называемых катафрактов¹⁶⁵) содержится в «Стратегике императора Никифора»¹⁶⁶ — трактате, связанном с именем инициатора упомянутой выше реформы. Начиная с этого времени процесс трансформации византийской армии в войско феодального типа уже не встречает никаких преград. Он идет стремительными темпами и завершается в следующем столетии. Однако в целом перестройка военной организации произошла с запозданием. В соревновании с военной машиной Запада Византия была обречена на поражение: когда империя только вскакала на путь развития рыцарской тактики, последняя уже имела на Западе вековые традиции.

Таким образом, военные трактаты содержат богатый и интересный материал, характеризующий динамику общественного развития империи на протяжении VI—X столетий. «Византийский Аноним» рисует социальную структуру дофеодальной Византии. «Стратегикон Псевдо-Маврикия» на материале армейской практики фиксирует исходный момент формирования фемного строя — системы мероприятий, направленных на государственное регулирование общественно-экономических отношений в условиях, когда произошло временное соединение непосредственного производителя с землей. «Тактика Льва» отражает высший этап в развитии фемного строя, одновременно отмечая и симптомы его приближающегося упадка. Трактаты второй половины X в., в частности «Стратегика императора Никифора», свидетельствуют о начавшейся перестройке армии в войско феодального типа; феодализация армии являлась показателем и частным проявлением феодализации всего византийского общества в целом.

Разумеется, одних только сведений военных трактатов было бы недостаточно для определения перспектив развития византийского общества — они приобретают ценность лишь в сопоставлении с материалами других, более непосредственно относящихся к этой проблеме источников. Сведения наших трактатов сообщают дополнительные оттенки и штрихи, которые придают картине большую отчетливость, ясность и полнокровность.

Особенности материальной базы византийской военной организации в тот или иной период определяли общий подход военных писателей к проблемам войны и мира, накладывая существенный отпечаток на

¹⁶⁴ См. об этом подробнее нашу статью: Командный состав и рядовые стратиоты в фемном войске Византии в конце IX—X в. — В кн.: ВО. М., 1971, с. 86—97.

¹⁶⁵ Термин «катафракты» впервые появляется в военном лексиконе со времен императора Адриана; его употребляют также Вегетий и Аммиан Марцеллин. В «Стратегиконе Псевдо-Маврикия» этот термин не встречается, но Льву VI он известен; см.: TL, IV, 32, col. 732 A—B.

¹⁶⁶ Катафракты, по данным «Стратегики», составили по численности незначительную часть войска — их всего 504 (или даже 384) человека из общей массы 8500 кавалеристов. В строю они занимают центр боевого порядка (с. 11); им принадлежит решающая роль в сражении — их удар направляется против места расположения неприятельского главнокомандующего. Роль катафрактовой кавалерии отмечена в некоторых нарративных источниках. Так, по писанию Льва Диакона, именно в центре боевого порядка были расположены катафракты в сражении при Тарсе (*Leonis diaconi Caloënsis historiae libri decem, e gē. C. V. Nasii. Bonnæ, 1828, IV, 3, p. 59*). Примененные Иоанном Цимисхием в сражении против Святослава (правда, в данном случае они помещались на флангах строя), они решили исход сражения (VIII, 9, p. 140; IX, 8, p. 151).

характер исповедуемой ими военной доктрины; последнее понятие, как известно, включает в себя совокупность официальных взглядов на основные направления военного строительства, подготовку страны и армии к войне, способы и формы ведения военных действий.

Автор «Византийского Анонима» рассматривает войну как «большое зло и крайнее воплощение всего дурного»¹⁶⁷. Он призывает к тому, чтобы оказывать предпочтение миру, даже если последний неблагоприятен для империи, потому что война грозит ей еще большим ущербом¹⁶⁸. Решаться на войну нужно лишь в крайнем случае, предварительно позаботившись о безопасности не только войска, но и всего населения страны¹⁶⁹, — следовательно, на ведение войны «малой кровью» и на чужой территории автор рекомендует не рассчитывать. Весь материал, рассматриваемый в трактате, соотнесен с ситуацией, когда византийская армия должна обороняться от врага, вторгшегося на ее территорию. Пребывание во вражеской земле упоминается лишь дважды¹⁷⁰; само это вторжение на территорию неприятеля имеет характер имитации и представлено автором как маневр, который обязал бы противника вывести войска с византийской территории¹⁷¹. В общей военно-стратегической концепции «Анонима» явно преобладают защитные, оборонительные компоненты; он целиком поглощен разработкой рекомендаций в духе стратегии ответного удара. Вероятно, на это существенно повлияла внешнеполитическая обстановка, сложившаяся к концу царствования Юстиниана, когда империя была вынуждена занять глухую оборону всей линии границ.

Взгляды на указанные проблемы автора «Стратегикона Псевдо-Маврикия» не представляются столь четкими и определенными. Свои общие воззрения он излагает в виде афоризмов: «Если он (стратиг. — *В. К.*) любит мир, то пусть готовится к войне»¹⁷²; «Для начала войны нужно иметь законные основания»¹⁷³ — афоризм, восходящий к Онесандру. В трактате содержится развернутый план мероприятий по подготовке к войне страны и армии в предвидении вражеского нашествия¹⁷⁴. Вместе с тем не исключается возможность ведения наступательной войны; при этом могут преследоваться две цели: нанести поражение вражеской армии и завладеть отнятой у него территорией¹⁷⁵. Против вторгнувшегося неприятеля следует применять «тактику выжженной земли», лишая его продовольствия и фуража¹⁷⁶; все усилия стратига должны быть направлены на то, чтобы перенести войну на вражескую территорию. Если это будет достигнуто, боеспособность армии возрастет, ибо воины не будут надеяться на спасение в своих крепостях¹⁷⁷, а богатства вражеской земли станут источником снабжения экспедиционных корпусов¹⁷⁸.

Таким образом, «Стратегикон» создавался как всеобъемлющее руководство, рассчитанное на ведение войны против любого противника и в различных условиях. Автор был искушен и в поражениях, и в победах. Живая картина панического отступления, когда перед лицом противника воины бегут как «трусливые зайцы и другие робкие животные. . . разлетаясь как брызги воды в разные стороны»¹⁷⁹, была, очевидно, навеяна собственным печальным опытом. Но кроме поражений, автор знал и по-

¹⁶⁷ Der Byzantiner Anonymus, IV, 2, S. 56.

¹⁶⁸ Ibid., VI, 5, S. 58—60.

¹⁶⁹ Ibid., V, 3, S. 56; XLII, 3, S. 128.

¹⁷⁰ Ibid., XX, 1, S. 120; XXVI, 6, S. 138.

¹⁷¹ Ibid., VI, 4, S. 58.

¹⁷² Strategicon, VIII, 2, 52, p. 212.

¹⁷³ Ibid., VIII, 2, 12, p. 206.

¹⁷⁴ Ibid., 2, 1—11, p. 252.

¹⁷⁵ Ibid., VIII, 2, 71, p. 216.

¹⁷⁶ Ibid., X, 4, 2, p. 256.

¹⁷⁷ Ibid., VIII, 1, 43, p. 204.

¹⁷⁸ Ibid., VIII, 2, 45, p. 212.

¹⁷⁹ Ibid., III, 11, 1, p. 128.

беды, причем поражения не сломили его, а победы не развратили, и он сохраняет трезвость суждений, подготавливая военачальников к любому повороту военной судьбы. Не обольщаясь уровнем профессиональной подготовки армии, в полной мере сознавая определенный упадок ее боеспособности, автор пытается восполнить этот недостаток привлечением дополнительных средств и резервов. Исходная мысль здесь предельно ясна: голая сила оружия может быть многократно увеличена умелым ее применением. И «Стратегикон» буквально насыщен описанием разнообразных военных хитростей, рекомендациями по обману неприятеля, по применению против него самых неожиданных, вероломных приемов¹⁸⁰. А чтобы эти рекомендации имели еще больший эффект, нужен дифференцированный, строго индивидуальный подход к противнику. Реализуя эту идею, автор «Стратегикона» включает в свое сочинение специальную главу, посвященную описанию нравов и обычаев некоторых соседних народов, — именно тех, которые представляли для империи наибольшую опасность.

Новизна и оригинальность авторского замысла должны быть оценены в полной мере. Хотя в античной литературе, а также в нарративных сочинениях византийских авторов такие этнографические описания встречались нередко, «Стратегикон» дает первый случай включения подобного раздела в военный трактат, смело переступая каноны своего жанра.

Как убедительно показано в упомянутом выше исследовании Б. Застеровой, автор «Стратегикона» находился полностью под влиянием тех традиционных этнографических представлений и предрассудков, которые укрепились в мировоззрении греков со времен Геродота и Фукидида. Ни разу не называя свои источники, автор демонстрирует хорошее знакомство с этнографическими сочинениями «древних», заимствуя оттуда не только общеметодологические концепции при оценке варварского мира, но и конкретные формы и методы его описания¹⁸¹. Византийцы, отмечает Б. Застерова, буквально пропитывались античной этнографической традицией начиная со школьной скамьи, отчего эта традиция оказывалась «инкорпорированной в коллективное сознание византийцев»¹⁸².

Анализируемая глава «Стратегикона» носит явственный отпечаток той характерной особенности византийского мировоззрения, основой которого, по выражению Д. Моравчика¹⁸³ «являлось чувство стабильности, перманентности и континуитета. . . Византийцы, плененные огромным историческим горизонтом античности, рассматривали среду, которая их окружает, как субстанцию перманентную и неизменную». Они полагали, что появившиеся на границах империи новые народы суть те же самые древние этнические комплексы, которые уже встречались в этих регионах во времена античности. Отсюда, в соответствии с тенденцией к типизации, — практика обозначения этих новых племен старыми, архаическими именами, отсюда — многочисленные типологические клише в этнографических описаниях, представлявшие собой составную часть интеллектуального багажа любого византийского писателя¹⁸⁴. И пусть даже тот или иной автор изучил быт и нравы соседнего народа на основе собственного опыта, все равно со «склонностью антиквара» (выражение А. Дэна¹⁸⁵) он будет заимствовать способ описания и терминологию из письменных

¹⁸⁰ Удальцова З. В. Идейно-политическая борьба. . . , с. 309 и сл.

¹⁸¹ «Метод, применяемый Мавриkiem в его труде, вызван к жизни философской концепцией, которая связывает военную тактику иноземных племен с моральными особенностями этнической группы, изучаемой по способу ее жизни и организации ее правительства» (*Zástěrová B. Op. cit.*, p. 54).

¹⁸² *Ibid.*, p. 14.

¹⁸³ *Moravcsik Gy. La Tactique de Léon le Sage comme source historique hongroise.* — *ANASH*, I, 1951/52, fasc. 1, p. 178.

¹⁸⁴ *Zástěrová B. Op. cit.*, p. 8.

¹⁸⁵ *Dain A. Urbicius ou Mauricius*, p. 128.

источников. Личный же опыт, если он противоречил описаниям «древних», считался вообще не заслуживающим внимания¹⁸⁶.

Автор «Стратегикона» в этом отношении не составляет исключения. Он располагает полным набором тех готовых штампов, типологических конструкций, лексических схем, которыми оперировали все предшествующие авторы при описании общественного строя, нравов, быта, состояния материальной и духовной культуры варварских племен. Но заслуживают быть отмеченными и некоторые отличительные особенности нашего источника. Во-первых, автор производит строгий отбор этнографического материала, ограничив себя описанием лишь некоторых народов; таковы персы, «скифы» (или «гунские народы»), «рыжеволосые народы» (франки, лангобарды и им подобные), а также славяне и анты¹⁸⁷. Во-вторых, будучи связанным тематикой своего труда, автор сознательно ограничивается характеристикой военных обычаев указанных народов; только изредка он приводит данные, которые, казалось бы, выходят за очерченные рамки, но сразу же, как бы спохватываясь, он стремится и этим сведениям придать военно-утилитарное освещение¹⁸⁸.

В отличие от античных авторов, которые включали в свои сочинения этнографические пассажи для достижения целей преимущественно эстетического порядка (снять монотонность повествования, оживить историческую экспозицию, а иногда и просто для того, чтобы развлечь читателя¹⁸⁹), автор «Стратегикона» преследовал совершенно иные, гораздо более значительные цели. Можно полагать, что картина, нарисованная им, со всех точек зрения должна быть наиболее близкой к действительности, а степень достоверности ее сведений максимально высокой. Автор должен был в полной мере сознавать ответственность взятой на себя задачи. Он был связан характером излагаемого материала: свобода выбора у него отсутствовала; на вымыслы и домыслы он просто не имел права. Анализируемая материя оказывалась слишком обязывающей, чтобы по-

¹⁸⁶ Zástěrová B. Op. cit., p. 8.

¹⁸⁷ Перечень наиболее вероятных противников империи, содержащийся в «Стратегиконе», вводит нас во внешнеполитическую ситуацию империи, начиная со второй половины VI в. Спорным остается вопрос о том, какой именно из перечисленных народов представлялся автору наиболее опасным: здесь мнения исследователей разделились между персами и славянами. Симптоматично упоминание болгар в перечне врагов империи: конфликты с ними — дело будущего (заметим в скобках, что само это имя автору трактата знакомо: в отрывке XII, 8, 1, 3, p. 314 он употребляет термин «βουλγαρικὰ σαγίτα»). Отсутствие же сведений об арабах вызывает недоумение: предшественник «Стратегикона» — анонимный трактат эпохи Юстиниана — уже с ними был знаком (XL, 1, p. 182). Факт незнания (или игнорирования?) арабов автором «Стратегикона» еще не получил своего объяснения. Можно указать также, что в трактате «De militari scientia» (сведения об изданиях и библиографию см.: Dain A. Les Stratégistes, p. 346), который близок к «Стратегикону» как по времени возникновения, так и по главнейшим идеям, перечень враждебных империи народов дополнен сарацинами (правда, здесь опущены авары и так называемые «турки»).

¹⁸⁸ Показательны в этом плане сведения о славянах, с которыми автор, очевидно, был знаком наиболее близко и непосредственно. Описывая конструкцию славянских жилищ, он фактически дает рекомендации по их захвату (XI, 4, 7—8, p. 273). Порадившее автора умение славян преодолевать водные преграды с использованием хитроумного приема дышать через полые камышинки, выведенные над поверхностью воды, также трактуется в плане военно-прикладном (XI, 4, 10, p. 278). Даже столь привлекательная черта славянского характера, как гостеприимство, в конце концов сводится к сюжету, имеющему опять-таки военную трактовку — доброжелательному отношению славян к военнопленным (XI, 4, 3—4, p. 278). Единственный более или менее нейтральный пассаж этого раздела — информация о благочестивости и верности славянских женщин, «которые смерть своих мужей почитают собственной кончиной и добровольно умерщвляют себя, не будучи в состоянии жить во вдовстве» (XI, 4, 6, p. 278). Но если подавляющее большинство сведений «Стратегикона» о славянах подтверждается другими современными источниками (см. об этом указанное исследование Б. Застеровой), то этот самый нейтральный пассаж оказывается и самым сомнительным с точки зрения его достоверности.

¹⁸⁹ Zástěrová B. Op. cit., p. 10; последнее — со ссылкой на Тацита (Annales, IV, 33).

зволить сколько-нибудь значительные отступления от истины. «Погоня за созданиями собственного воображения» грозила здесь обернуться самыми тяжелыми последствиями, причем не эстетического, идеального, а сугубо материального свойства. В своих этнографических экскурсах автор мыслит византийскую армию то обороняющейся, то наступающей стороной; в соответствии с этим военные обычаи варварских народов анализируются и с точки зрения наступательной, и оборонительной. Таким образом, и эти разделы трактата не вносят конкретности в оценку военно-стратегической концепции автора «Стратегикона».

Взгляды на указанные проблемы автора «Тактики Льва» заслуживают более однозначной оценки: военно-политическая доктрина, пронизывающая этот трактат, имеет ярко выраженный оборонительный характер. Подчеркивая необходимость быть всегда готовым к войне ¹⁹⁰, обеспечить перевес сил над врагом ¹⁹¹, сохранять постоянную бдительность ¹⁹², Лев не рекомендует нападать на врага первым ¹⁹³. Он говорит о себе как о решительном стороннике мира, добрососедских отношений с другими странами, справедливости во внешней политике ¹⁹⁴. К военным действиям следует прибегать лишь тогда, когда столкновение спровоцировано неприятелем ¹⁹⁵. Тогда появляются законные основания для применения силы, война приобретает справедливый характер, и вести ее нужно с уверенностью в помощи божественного провидения ¹⁹⁶.

Особая приверженность Льва к миру, его призыв «не обгагрять землю кровью ни соплеменников, ни варваров» ¹⁹⁷ приобретает специфическое звучание. Объяснение этому не следует выводить из религиозно-этических доктрин, исповедуемых Львом ¹⁹⁸, — оно вытекает из общего кризисного состояния военной организации империи на рубеже IX и X столетий.

Материал трактата Льва свидетельствует, что империя проводила в это время политику обороны на всех фронтах. Военный потенциал государства поддерживался чрезвычайно дорогой ценой. Громадные средства тратились на подготовку к войне — и чаще всего пропадали впустую, так как от ведения столь дорого обходившейся войны Византия пыталась уклониться. Значительная масса людей производительных профессий отвлекалась на обеспечение военных нужд государства; их труд в этих условиях переставал быть производительным, ибо не приносил никакого хозяйственного эффекта. Складывалось парадоксальное положение: чем больше экономических усилий и финансовых средств тратилось империей на обеспечение и поддержание военного потенциала, тем слабее он оказывался ¹⁹⁹.

В свете вышеизложенного представляет интерес сравнение этнографического пассажа Льва (гл. XVIII его «Тактики») с аналогичным разделом «Стратегикона», о котором говорилось выше. Подобно своему предшественнику в военном деле, Лев разделял традиционные этнографические воззрения византийцев. Но, разумеется, внешнеполитическая ситуация в IX—X вв. была иной, чем во времена Маврикия, и Лев не мог не отразить ее в своем труде.

¹⁹⁰ TL, II, 48, col. 692 D.

¹⁹¹ Ibid., XVII, 3, col. 913 C.

¹⁹² Ibid., XX, 90, col. 1038 D.

¹⁹³ Ibid., II, 48, col. 692 D.

¹⁹⁴ Ibid., II, 49, col. 692 D — 693 A.

¹⁹⁵ Ibid., II, 50, col. 693 A.

¹⁹⁶ Ibid., II, 50, col. 693 A.

¹⁹⁷ Ibid., II, 49, col. 692 D.

¹⁹⁸ Именно на этом настаивает Г. Миханлидис-Нуарос; см. его статью: 'Ο δίκαιος πόλεμος κατά τὰ Τακτικά τοῦ Λέοντος τοῦ Σοφοῦ. In: Mélanges Séphériades. Athènes, 1961.

¹⁹⁹ Подробнее см. об этом нашу статью: Военно-экономические проблемы византийской истории на рубеже IX—X вв. по «Тактике Льва». — АДСВ, 9, 1973.

Главными противниками империи в это время были арабы, которым Лев уделил наибольшее внимание, посвятив им заключительные разделы главы ²⁰⁰. Поскольку предшественник Льва арабов не упоминает, указанный раздел «Тактики» независим от «Стратегикона». Материал о персах ²⁰¹ в основном заимствован из трактата Псевдо-Маврикия, но изложен в общем плане и преимущественно в прошедшем времени. Примерно в этом же духе рассмотрен материал о франках и лангобардах ²⁰², но при этом подчеркнуто, что они приняли христианство, стали союзниками империи и война с ними практически исключена.

Показательна и разница в подходе к славянам и антам. Последние Львом вообще не упоминаются, а о славянах сказано, что они покорены ромеями и перестали быть источником постоянной опасности для империи ²⁰³. Что же считает Лев необходимым сообщить о них своим военачальникам? Анализ его сведений показывает, что с военной точки зрения они содержат незначительную по ценности информацию — неизмеримо меньшую, чем в «Стратегиконе». По существу эти сведения представляют собой набор традиционных этнографических клише, которыми в свое время, несомненно, располагал и автор «Стратегикона». Но если последнему все же удалось вложить в готовые схемы реальное, соответствующее современной ему действительности содержание ²⁰⁴, то автор «Тактики» оказался полностью в плену книжной традиции.

Своеобразно решается Львом вопрос о новых противниках империи, не охарактеризованных в «Стратегиконе». В одном месте, сохранив текст Псевдо-Маврикия, он просто заменил авар болгарями, подведя их под общее наименование скифов ²⁰⁵. О болгарях сказано, что они уже дорого заплатили за свое вероломство и ныне полностью подчинены империи; но поскольку их тактика не отличается от тактики так называемых «турок», то она заслуживает внимания ²⁰⁶. Как установлено Д. Моравчиком ²⁰⁷, под «турками» Лев понимал венгров.

Разумеется, в своих этнографических описаниях Лев не мог избежать ошибок, поскольку тактика тюркских народов VI в. не могла быть тождественной тактике венгров и болгар IX в. Тем не менее сведения «Тактики» в большинстве случаев подтверждаются сообщениями западных и восточных источников, и потому нарисованная Львом картина может быть признана в достаточной степени аутентичной ²⁰⁸. Это дает основание венгерским исследователям рассматривать соответствующие пассажи гл. XVIII «Тактики Льва» в качестве ценного источника по истории их народа.

В отличие от «Стратегикона» трактат Льва фактически не содержит рекомендаций по ведению наступательных операций против варварских народов, — материал XVIII главы либо вообще нейтрален с военной точки зрения, либо лежит в русле оборонительных концепций.

Что касается более поздних трактатов, то столь же отчетливо оборонительный характер носят взгляды автора «De velitatione bellica», рисующего картину непрерывных боевых действий на нейтральной территории между восточными феями и владениями арабов. Своеобразна позиция автора «De castrametatione»: создается впечатление, что, хотя он мыслит свою армию в ситуации наступательного похода, его основное внимание привлечено к обеспечению собственной безопасности в ходе пребывания

²⁰⁰ TL, XVIII, 109 — 142, col. 972—981.

²⁰¹ Ibid., XVIII, 21 — 39, col. 951—956.

²⁰² Ibid., XVIII, 78, 80—98, col. 964—968.

²⁰³ Ibid., XVIII, 79, col. 964—965.

²⁰⁴ Zástěrová B. Op. cit., p. 55.

²⁰⁵ TL, XVIII, 43, col. 956—957.

²⁰⁶ Ibid., XVIII, 44—45, col. 957.

²⁰⁷ Moravcsik Gy. La Tactique de Léon, p. 178.

²⁰⁸ Ibid., p. 180.

на вражеской территории. Как и в предыдущих случаях, характер этих воззрений зависел, очевидно, от конкретного внутри- и внешнеполитического положения империи в момент создания каждого трактата.

То же самое можно сказать и о состоянии морального фактора византийского воинства и мерах воздействия на него. Если «Византийский Аноним VI в.» оставляет вопросы идеологического воспитания воинов без всякого внимания, полагаясь, очевидно, на формирование «воинского духа» с помощью одной лишь дисциплины, то изменившаяся социальная сущность армии в период «Стратегикона» потребовала от его автора детальной разработки целого комплекса организационных мероприятий, направленных на формирование морального фактора. Эти идеи получили впоследствии дальнейшее развитие в «Тактике Льва»²⁰⁹.

Существенной составной частью идеологического воспитания воинов являлось религиозное воздействие на них. Материалы военных трактатов предоставляют возможность проследить изменения, происходившие в подходе к религиозному воспитанию воинов. «Аноним VI в.» не содержит сведений об организации религиозной службы в армии; даже само имя бога ни разу не встречается на страницах трактата²¹⁰. Нейтральность автора в вопросах религии может найти свое объяснение в характере армии юстиниановской эпохи, где преобладали наемные контингенты иноплеменников, принадлежность которых к христианскому вероисповеданию вовсе не была обязательной.

Автор «Стратегикона» предстает перед нами уже в ином качестве. Трактат начинается обращением к богу и святой троице²¹¹; упоминания их неоднократны и в дальнейшем изложении. Благодетельство рассматривается как главная черта личности стратига — он должен снискать благоволение божие, ибо все делается по воле божественного провидения, которое управляет даже животными. Если же к благоволению божьему присоединяется знание строя и стратегии, тогда успех деятельности военачальника обеспечен²¹². Последняя мысль настолько укоренилась в сознании автора, что он возвращается к ней несколько раз и в различных вариантах²¹³. Трактат содержит подробные сведения об организации религиозной службы в армии. Каждая тагма (или банда), независимо от того, расположена она в лагере или на квартирах, вместе с другими или отдельно от них, начинает свой день (до начала учебных занятий) молитвами и трехсвятием; это же делается и вечером, после ужина²¹⁴. Накануне дня сражения в лагере служатся молебны, освящаются знамена; перед выходом из лагеря священники, стратиг и другие архонты должны провозглашать: «Господи, помилуй!», на что каждая мера отвечает троекратно: «С нами бог!»²¹⁵ Что касается повторения этого крика непосредственно перед атакой, то автор считает его излишним, ибо он может внести сумятицу в ряды воинов и напугать лошадей. В момент сражения рекомендуется все-таки издавать устрашающие крики, но без упоминания имени божьего²¹⁶, ибо войско, «способное поднять сильный крик, легко может устрашить врага»²¹⁷.

²⁰⁹ Подробнее см. в нашей статье: Методы морально-политического воздействия на византийское войско по «Тактике Льва». — АДСВ, 3, 1965.

²¹⁰ Единственное свидетельство, хоть в какой-то мере связанное с интересующей нас проблемой, заключается в следующем: среди обязательных качеств архонтов на первое место поставлено благодетельство (IX, 4, р. 66); это же качество должно быть присуще послам (XLIII, 5, р. 194). В обоих случаях благодетельство рассматривается как атрибут «ромейского» происхождения соответствующего должностного лица.

²¹¹ Strategicon, praef., p. 42.

²¹² Ibid., p. 44; VIII, 2, 1, p. 204.

²¹³ Ibid., II, 1, 2, p. 74; VII, 1, 1, p. 164; VII, 12a, 3, p. 186; VII, 15a, 1, p. 188; VIII, 1, 37, p. 202.

²¹⁴ Ibid., VII, 17a, 1, p. 192.

²¹⁵ Ibid., II, 17, 2, p. 94—96.

²¹⁶ Ibid., VII, 16a, 4, p. 190.

²¹⁷ Ibid., VIII, 2, 38, p. 210.

Заметное внимание автора «Стратегикона» к вопросам религии объясняется изменившимся характером армии: в ней стал преобладать национальный элемент, и христианская религия могла сыграть в этих условиях роль консолидирующего фактора²¹⁸.

Идеи автора «Стратегикона» относительно роли и значения религиозного воздействия на воинов были активно восприняты и развиты в «Тактике Льва». Армия рассматривается Львом как христоролюбивое воинство, которое сражается не только за интересы империи, но и во славу всего христианского мира²¹⁹; характерно, что эта сентеция Льва предваряет раздел, посвященный описаниям военных обычаев варварских народов.

Если описания религиозных обрядов в «Тактике Льва»²²⁰ следуют в основном за «Стратегиконом», отличаясь от последнего лишь в деталях, то «Стратегика императора Никифора» сообщает на этот счет много нового²²¹. Наоборот, трактаты «De velitatione bellica» и «De castrametatione» этого сюжета не касаются, и христианская принадлежность их авторов проявляется лишь в нескольких словесных штампах, содержащих имя Христа²²².

В целом, уделяя значительное внимание религиозному воспитанию воинов, авторы военных трактатов не проявляют стремления насаждать в армии религиозный фанатизм, ненависть к иноверцам. Учитывая многонациональный характер населения империи и, следовательно, состава армии, военные писатели не делают акцента на противопоставлении одного народа, проживающего в империи, другому — отсюда относительная веротерпимость, особенно заметная в сопоставлении с религиозной политикой соседей и позднейших противников Византии²²³.

В заключение можно указать, что рассмотренные нами проблемы далеко не исчерпывают тематики военных трактатов. Охватывая значительный хронологический период, эти произведения отразили в себе динамику и перспективу развития византийского общества начиная с периода разложения рабовладельческого строя до полной победы феодальных отношений. Содержащиеся в трактатах сведения могут быть привлечены для анализа самых различных проблем социально-экономической и политической истории империи, развития ее идеологии и культуры.

²¹⁸ В сочинении Феофилакта Симокатты, освещающем период царствования Маврикия, зафиксирован ряд показательных моментов: в армии Филиппика накануне сражения с персами служились молебны, перед войском выносилась хоругвь (Феофилакт Симокатта. История. М., 1957, II, 3, 4—9, с. 49); имя девы Марии было избрано в качестве пароля объединенного войска Нарсеса и Хосрова в одном из эпизодов их борьбы с узурпатором Варамом (V, 10, 4—5, с. 129—130). Этот перечень случаев применения христианской символики в армейской практике может быть продолжен.

²¹⁹ TL, XVIII, 19, col. 949 D.

²²⁰ Ibid., XIII, 1, col. 844 A; XIV, 1, col. 848 D; XVI, 2, col. 908 B.

²²¹ «Стратегика императора Никифора», с. 20—21.

²²² В литературе имела место попытка объяснить это сугубо техническим характером данных руководств; см.: Vieillefond J.-R. Les pratiques religieuses dans l'armée byzantine d'après les traités militaires. — REA, XXVII, 1935, fasc. 3, p. 324.

²²³ Увлечение автора «Стратегики императора Никифора» религиозными вопросами по сравнению с авторами других трактатов объясняется, на наш взгляд, следующим обстоятельством. «Стратегика» задумана как практическое руководство для подготовки армии к действиям на восточном фронте, против конкретного противника — арабов, и именно их фанатизму автор трактата намеренно противопоставляет более интенсивное религиозное воспитание собственных воинов. Эта целенаправленность, априорная заданность «Стратегики» отличает ее от универсальных руководств, имеющих в виду любого вероятного неприятеля; отсюда большая нейтральность последних в вопросах религиозной пропаганды. Заметим, кстати, что мы считаем ошибочной точку зрения, что «в трактатах X или XI в. различные религиозные церемонии занимают место почти превалирующее, и часто эти военные сочинения напоминают сборники канонов для некоего монашеского ордена» (Vieillefond J.-R. Op. cit., p. 324). В любых ситуациях армия оставалась армией, и религиозная обрядность не заслоняла и не подменяла специфически военного содержания армейской жизни.